
ПИТЕР ХОПКИРК

БОЛЬШАЯ ИГРА

МИРОВОЙ ПОРЯДОК

Мировой порядок

Питер Хопкирк

Большая игра

«Издательство АСТ»

1990

УДК 94(5)
ББК 63.3(5)

Хопкирк П.

Большая игра / П. Хопкирк — «Издательство АСТ»,
1990 — (Мировой порядок)

ISBN 978-5-17-146631-2

Питер Хопкирк (1930—2014) — британский журналист и историк, автор шести книг о Британской империи, России и Центральной Азии. В ставшей уже классической работе П. Хопкирка описаны два века (от эпохи Петра I до Николая II) противостояния между Англией и Россией в Центральной Азии, дан анализ их геополитических целей в этом огромном регионе. Показана острейшая тайная и явная борьба за территории, влияние и рынки. Обстоятельно рассказана история проникновения русских в Среднюю Азию и последовательного покорения владений эмиров и ханов — Ташкента, Самарканда, Бухары, Хивы, Коканда, Геок-Тепе, Мерва. Подробно описаны две англо-афганские кампании. Ярко переданы удивительные и драматические приключения выдающихся участников Большой игры — офицеров, агентов и добровольных исследователей (русских и англичан), многие из которых трагически погибли. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(5)
ББК 63.3(5)

ISBN 978-5-17-146631-2

© Хопкирк П., 1990
© Издательство АСТ, 1990

Содержание

Предисловие. Новая Большая игра	6
Благодарности	9
Пролог	13
Часть первая. Дебют	18
Глава 1. Желтая опасность	18
Глава 2. Кошмар Наполеона	26
Глава 3. Репетиция Большой игры	34
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Питер Хопкирк

Большая игра

Теперь я пойду далеко-далеко на Север играть в Большую игру...
Р. Киплинг, «Ким» (1901, перевод М. Кляжиной-Кондратьевой)

Посвящается Кейт

Peter Hopkirk
The Great Game

© Peter Hopkirk, 1990

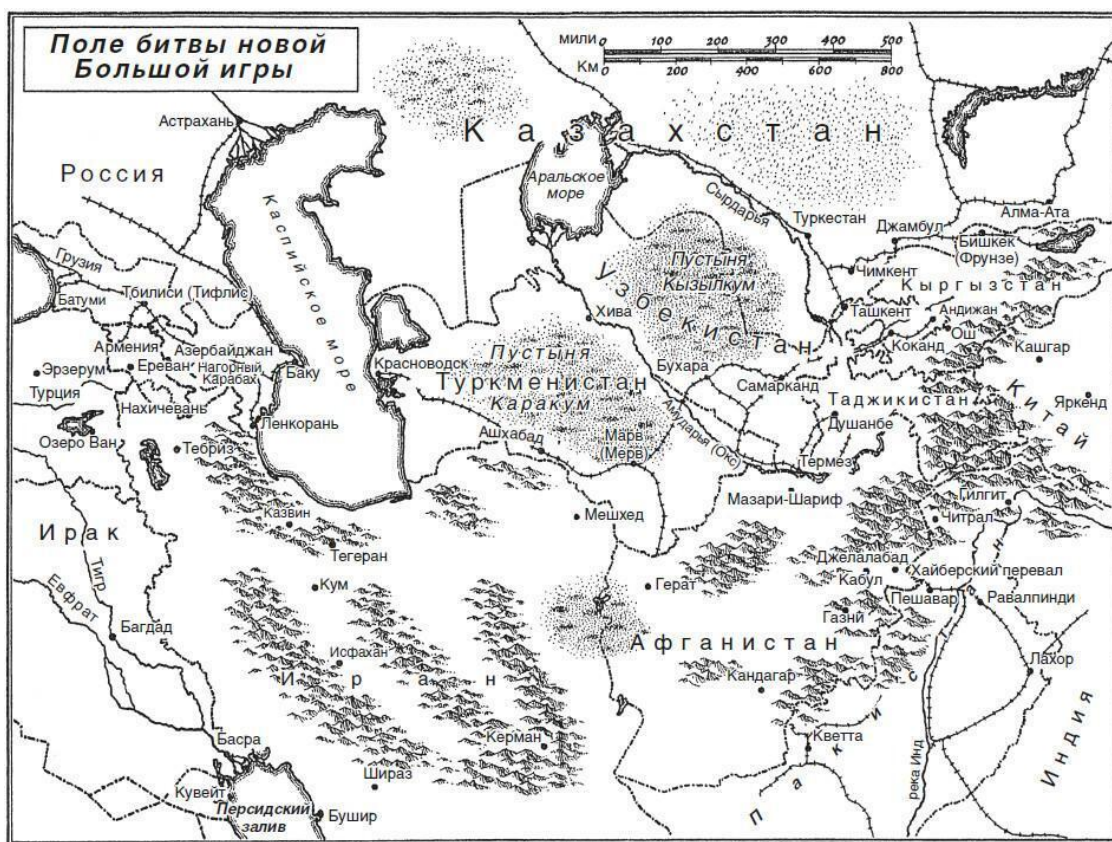
© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

Предисловие. Новая Большая игра

Уже после завершения работы над этой книгой, шестнадцать лет назад¹, область Большой игры сотрясли важные события, существенно повысившие значение моего рассказа. После долгих лет почти полного забвения Центральная Азия вновь, совершенно неожиданно, попала в заголовки газет, снова возвратилась на то место, которое занимало в разгар старой Большой игры девятнадцатого столетия между царской Россией и викторианской Британией.

После внезапного и драматического крушения коммунизма в 1991 году, после распада Советской империи вдруг возникли (едва ли не в одночасье) сразу пять новых государств – или даже восемь, если принимать в расчет Кавказский регион. Поначалу даже специалисты, давно изучавшие Центральную Азию, испытывали затруднения с привыканием к этой новой географической и политической реальности, что напоминала калейдоскоп, а еще больше хлопот доставляло заучивание новых названий вроде слова «Кыргызстан».

Все было намного проще, когда эту обширную область именовали советской Центральной Азией. Одна-единственная виза (если повезло ее получить) позволяла путешествовать от Баку до Бухары, от Тбилиси до Ташкента, при необходимости заглядывая в Москву и Ленинград. Кроме того (впрочем, здесь я опираюсь исключительно на собственный опыт), путешествие по Советскому Союзу в разгар холодной войны неизменно было тем еще приключением, сродни проникновению за вражескую линию обороны, в особенности если ты проводил исследования, не одобренные властями.

¹ Это замечание относится к 1990 г. – *Здесь и далее примеч. пер.*

По следам поспешного ухода Москвы в новых столицах новых государств стали открываться посольства западных стран. Советские названия стирались с карт, учебники истории переписывались, а иностранные компании охотно заполняли обнажившийся коммерческий и экономический вакуум. Ведь ни для кого не было тайной, что в Центральной Азии таились последние величайшие призы двадцатого столетия. Это и грандиозные запасы нефти и газа, и богатейшие залежи золота, серебра, меди, цинка, свинца и железной руды, не говоря уже о нефтяных трубопроводах. Состязание за овладение этими богатствами быстро приобрело такой накал, что западные политические аналитики и колумнисты во всеуслышание заговорили о новой Большой игре, наблюдая за соперничеством мировых держав и транснациональных компаний в этом регионе. Причем стоит учитывать, что временами это соперничество приобретало также стратегический и политический характер.

Правда, за стремительный отказ от коммунизма в пользу капиталистических свобод пришлось заплатить немалую цену. Яростные локальные конфликты – в Грузии, Азербайджане, Армении, Таджикистане и Узбекистане, если не упоминать внутренние столкновения на юге России, в Чечне и Северной Осетии, – вновь всколыхнули этот чрезвычайно нестабильный регион, когда разгорелись споры за местную власть.

В момент, когда я пишу эти строки, все как будто немного успокоилось. Впрочем, этого не скажешь о поле битвы старой Большой игры целиком: так, в Афганистане, давнем эпицентре векового англо-русского противостояния, кровопролитие фактически сделалось обыденностью. В 1979 году русские ввели туда контингент численностью 100 000 человек для поддержки марионеточного правительства. Но после растянувшегося на десятилетие жестокого и непрерывного боя им пришлось уйти ни с чем. Они оставили у власти своего ставленника, генерала Мохаммада Наджибуллу, который четыре года спустя угодил в руки повстанцев-талибов, сумевших захватить Кабул. Генерала выволокли из лагеря ООН, где он нашел временный приют, безжалостно избили, кастрировали и прилюдно задушили. Омерзительные фотографии его безжизненного тела были опубликованы на первых полосах мировых СМИ. Сообщалось также, что Наджибулла успел заказать перевод моей книги на пушту и говорил своим друзьям – мол, каждый афганец должен прочитать этот текст, дабы стране удалось избежать ряда страшных ошибок прошлого.

В 2001 году, повторяя путь русских, в Афганистан вошли войска США, Великобритании, Канады, Нидерландов и нескольких других стран – членов НАТО. Данное вторжение было обусловлено страхами перед тем, что новые атаки по западным целям наподобие событий сентября 2001 года могут последовать со стороны укрывавшихся в Афганистане террористов «Аль-Каиды». Силы НАТО уничтожали лагерь террористов, поддерживали хрупкий мир в стране, готовили почву для проведения выборов, истребляли местных наркобаронов и помогали восстанавливать производство. Великобритания намерена отправить в Афганистан еще больше военнослужащих для решения этих почти невозможных задач, в ходе выполнения которых погибли уже два десятка британских военных (минимум один погибший каждые восемь дней)². Когда я пишу эти строки, исход продолжающихся столкновений в Афганистане попросту невозможно предсказать.

Два наиболее могущественных участника новой Большой игры, США и Россия, желают видеть Центральную Азию мирной и настроенной на сотрудничество, дабы сохранить доступ к тамошним запасам нефти и газа. Не секрет, что Россия в своей текущей политике опирается во многом на управление трубопроводами. Сама мысль о том, что какое-либо из вновь возникших центральноазиатских государств последует примеру Ирана, где налицо причудливое сочетание нефти, фундаментализма и стремления заполучить ядерное оружие, пугает Вашинг-

² Предисловие написано задолго до событий 2021 г., когда силы западной коалиции бежали из Афганистана, бросив снаряжение и амуницию. Общие западные потери составили около 3000 человек.

тон и Москву в равной степени (к счастью, сегодня такое развитие событий все-таки видится маловероятным).

Помимо Соединенных Штатов Америки и России, прочие региональные державы, в первую очередь Китай, Индия и Пакистан, приглядываются к Центральной Азии с неослабевающим интересом. Коллапс советского правления в регионе превратил Центральную Азию в пламенный тигель мировой истории. Там может произойти фактически что угодно, и лишь безудержно храбрый человек (или глупец) отважится предсказать будущее региона. Именно по этой причине я даже не пытался как-то осовременить свой текст, не считая этого короткого предисловия. Впрочем, при всем обилии неопределенностей одно можно сказать наверняка: к худу или к добру, но Центральная Азия возвратилась в мировую повестку – и останется в ней, по всей видимости, на долгий срок.

*Питер Хопкирк
Лондон, 2002 г.*

Благодарности

Сорок лет тому назад, 19-летним младшим офицером, я прочел классическую работу Фицроя Маклина³ о путешествиях по Центральной Азии «Восточные подступы». Это увлекательное повествование об удивительных приключениях и политических событиях на Кавказе и в Туркестане в мрачные годы правления Сталина произвело на меня – как, без сомнения, и на многих других читателей – изрядное впечатление. Впредь я делал все возможное, чтобы поближе познакомиться с Центральной Азией, и отправился туда, едва она стала доступной для иностранцев. Таким образом, пускай хотя бы косвенно, сэр Фицрой несет частичную ответственность за написанные мною шесть книг о Центральной Азии, включая и эту последнюю (некоторые могут сказать, что он заслуживает порицания). Посему я должен выразить ему огромную признательность за то, что он направил мои стопы в сторону Тбилиси и Ташкента, Кашгара и Хотана⁴. Пожалуй, нет книги о Центральной Азии, превосходящей «Восточные подступы», и даже сегодня я беру ее в руки с трепетом восхищения.

Что касается подготовки текста, тут я оказался в немалом долгу перед теми замечательными людьми, которые участвовали в Большой игре и оставили отчеты о своих приключениях и невзгодах среди пустынь и гор. Их рассказы составили большинство драматических эпизодов данного повествования, и без них оно никогда не обрело бы законченную форму. Кроме того, следует отметить существующие биографии целого ряда участников той Игры. Для описания политических и дипломатических основ противостояния я в полном объеме использовал новейшие открытия историков – специалистов по данному периоду, которым выражаю искреннюю признательность. Еще хочу поблагодарить коллектив работников Индийской библиотеки и архива в Лондоне за доступ к многочисленным документам и другим материалам из обширного хранилища истории Британской империи.

Пожалуй, сильнее всего я обязан моей жене Кейт, чья скрупулезность во всем внесла ценнейший вклад в исследование вопроса и написание как этой, так и предыдущих книг на всех стадиях работы над ними. С Кейт я советовался по поводу отдельных глав моей работы по мере их появления на свет. Помимо черновиков шести карт она составила и указатель. Наконец, мне очень повезло в том, что меня опекала в качестве редактора Гейл Пиркис. Ее внимательнейший профессионализм, спокойный и добрый юмор, а также неизменный такт постоянно поддерживали меня на протяжении долгих месяцев подготовки книги к публикации. Стоит добавить, что Гейл вместе с коллективом издательства «Оксфорд юниверсити пресс» помогла спасти от виртуального забвения несколько важных работ по Центральной Азии – по крайней мере две из них принадлежали перу героев Большой игры и были впоследствии опубликованы в новых изданиях.

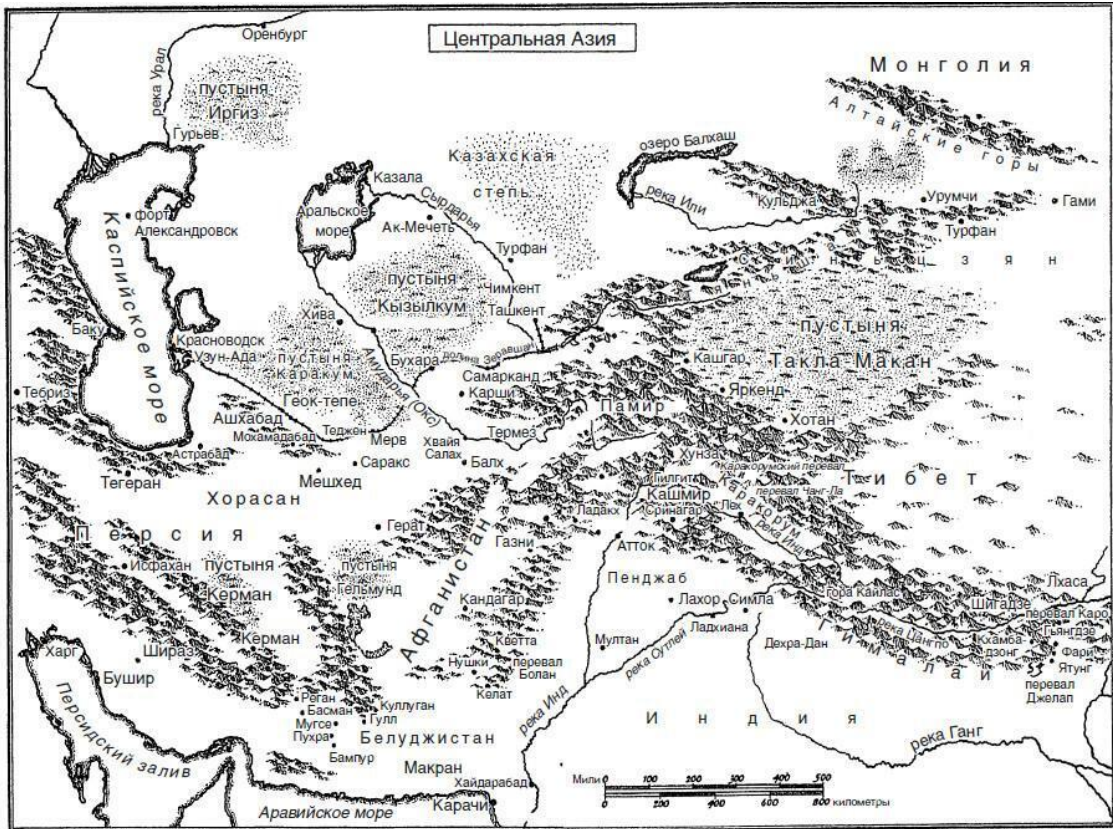
По поводу транскрипции имен и названий

Многие названия народов и местностей, упоминаемые в моем тексте, в различные годы писались по-разному. Примерами могут служить татары/тартары, Эрзерум/Эрзурум, туркоманы/туркмены, Кашгар/Карши, Тифлис/Тбилиси и др. Ради целостности и простоты изложения я в большинстве случаев использовал те названия, которые были привычными для участников событий.

³ Шотландский военный и писатель, политик, в годы Второй мировой войны от рядового дослужился до бригадира (чин в британской армии, старше полковника и младше генерал-майора), диверсант, разведчик, автор ряда автобиографических книг, считается одним из прототипов Джеймса Бонда как персонажа массовой культуры.

⁴ Оазис, ныне городской уезд в одноименном округе Синьцзян-Уйгурского района КНР.

Пролог

Июньским утром 1842 года в среднеазиатском городе Бухара можно было увидеть две фигуры в лохмотьях, опустившиеся на колени в пыль на просторной площади перед дворцом эмира. Руки этих людей были крепко связаны за спиной, а сами они, грязные и мучимые голодом, имели плачевный вид: тела все в язвах и синяках, волосы, бороды и одежда кишели вшами. Неподалеку ждали две свежеврытые могилы. На пленников молча взидала кучка местных жителей. Обычно в этом отдаленном, все еще средневековым по своему укладу караванном городе казни не привлекали большого внимания, ибо при жестоком и деспотическом правлении эмира подобное происходило достаточно часто. Однако сегодня все обстояло иначе, поскольку двое мужчин, стоявших на коленях под палящим полуденным солнцем у ног палача, были британскими офицерами.

На протяжении нескольких месяцев они по воле эмира томились в темной зловонной яме под глинобитной крепостью, и компанию им составляли разве что крысы и разные личинки. А теперь эти двое – полковник Чарльз Стоддарт и капитан Артур Конолли – готовы были вместе принять смерть за четыре тысячи миль от дома, на том самом месте, где нынешние иностранные туристы выходят из русских автобусов, не подозревая о событиях вековой давности. Стоддарт и Конолли платили цену за свое участие в чрезвычайно опасной операции – Большой игре, как называли ее те, кто играл в нее, рискуя собственной жизнью. Ирония судьбы заключалась в том, что именно Конолли первым употребил это словосочетание, хотя обессмертил его много лет спустя Киплинг в своем романе «Ким».

Первым в то июньское утро полагалось умереть Стоддарту, а его товарищу предстояло наблюдать за казнью. Полковника направила в Бухару Ост-Индская компания, желавшая заключить с эмиром союз против русских, чье продвижение в Центральную Азию вызывало немалые опасения относительно их будущих намерений. Однако обстоятельства сложились крайне неудачно. Когда Конолли, добровольно вызвавшийся освободить товарища по оружию, прибыл в Бухару, он в конце концов тоже очутился в мрачной подземной тюрьме эмира. Спустя мгновение после казни Стоддарта обезглавили и Конолли; останки этих британских офицеров покоятся, вместе с останками многих других жертв эмира, на неприглядном, полузаброшенном кладбище неподалеку от дворцовой площади.

Стоддарт и Конолли принадлежали к немалому числу тех армейских офицеров и исследователей, британских и русских, которые на протяжении большей части столетия участвовали в Большой игре; их увлекательные приключения и невзгоды составляют значительную часть содержания данной книги. Огромная шахматная доска, на которой разворачивалась эта теневая схватка за политическую власть, простиралась от снежных пиков Кавказа на западе через бескрайние пустыни и горные массивы Центральной Азии до китайского Туркестана и Тибета на востоке. Главным же призом – чего изрядно опасались в Лондоне и Калькутте и на что очень надеялись служившие в Азии честолюбивые русские офицеры – была Британская Индия.

Все началось в первые годы XIX века, когда русские войска стали с боями прокладывать путь на юг через Кавказ, населенный тогда безжалостными мусульманскими и христианскими племенами, в сторону Северной Персии. Этот порыв, сходный с великим походом русских на восток через Сибирь двумя столетиями ранее, как будто не представлял собой серьезной угрозы британским интересам. Да, Екатерину Великую и вправду забавляла мысль о покорении Индии, а сын императрицы Павел в 1801 году действительно отправил в те края силы вторжения⁵, но этот экспедиционный корпус спешно отозвали обратно после скорой кончины Павла. Впрочем, в те дни практически никто не воспринимал русские потуги всерьез: ближай-

⁵ Об этом см., например: *Шильдер Н. К.* Император Павел I. Его жизнь и царствование. М.: Эксмо, 2009.

шие пограничные посты России находились слишком далеко, чтобы по-настоящему угрожать владениям британской Ост-Индской компании.

Однако в 1807 году в Лондон поступили разведывательные донесения, существенно обеспокоившие британское правительство и директорат компании. Наполеон Бонапарт, воодушевленный чередой блестящих военных побед в Европе, предложил наследнику Павла, царю Александру I, совместно вторгнуться в Индию и избавиться от британского владычества⁶. Он посулил Александру, что объединение сил позволит покорить весь мир и в дальнейшем поделить его между двумя державами. Для Лондона и Калькутты не было тайной, что Наполеон уже давно присматривался к Индии. Вдобавок он жаждал отомстить англичанам за унижительное поражение, нанесенное его соотечественникам на ранних этапах борьбы за обладание этой территорией⁷.

План, от дерзости которого захватывало дух, состоял в том, что 50 000 французских солдат следовало пересечь Персию и Афганистан, а затем соединиться с казаками Александра для решительного броска через реку Инд в Индию. План не учитывал местных особенностей: действовать предстояло вовсе не в Европе с ее обилием провианта, дорогами, мостами и умеренным климатом; Наполеон слабо представлял себе те жуткие препятствия, которые ожидали его армию, пошедшую таким маршрутом. Отсутствие знаний о землях, по которым предполагалось провести силы вторжения (а ведь там простирались огромные безводные пустыни и вздымались горные хребты), было свойственно и англичанам: последние прибывали в Индию по морю и потому уделяли мало внимания стратегическим сухопутным маршрутам, сосредоточившись на охране морских путей.

Теперь их спокойствию пришел конец. Пускай русские сами по себе не казались серьезной угрозой, объединенные силы Наполеона и Александра были гораздо опаснее, особенно если их возглавит какой-либо генерал, не уступающий французскому императору в полководческом гении. Полетели поспешные приказы о тщательном изучении и нанесении на карты всех дорог, по которым агрессор мог бы достичь Индии; военное руководство Ост-Индской компании желало знать, где лучше всего остановить и разгромить противника. Одновременно к персидскому шаху и афганскому эмиру, через земли которых предстояло пройти агрессору, направили дипломатические миссии – в надежде отговорить этих властителей от каких-либо связей с врагом.

Угроза так и не воплотилась в жизнь, поскольку Наполеон с Александром вскоре разошлись. Когда французы вторглись в Россию и вошли в горящую Москву, об Индии временно забыли. Но после изгнания Наполеона (с изрядными потерями) обратно в Европу, для Индии возникла новая угроза. На сей раз ее олицетворяли самоуверенные и честолюбивые русские, и складывалось впечатление, что теперь отбиться не получится. Когда закаленные в боях русские войска возобновили южный марш через Кавказ, опасения за безопасность Индии серьезно возросли.

Разгромив кавказские племена, в длительном и отчаянном сопротивлении которых участвовала и горстка англичан⁸, русские перевели свой алчный взор на восток. В обширном районе гор и пустынь к северу от Индии лежали древние мусульманские ханства – Хива, Бухара и Коканд. По мере продвижения русских тревога в Лондоне и Калькутте неуклонно нарастала.

⁶ См.: Толстой Ю. В. План похода в Индию в том виде, как он был договорен между Бонапартом и Павлом I // Русская старина, 1876. Кн. 15. С. 216–217; Безотосный В. М. Индийский проект Наполеона // Император (военно-исторический альманах), 2001, № 2. С. 2–8.

⁷ Имеется в виду Индийская кампания (1744–1748) в ходе войны за Австрийское наследство и последующие конфликты. В первом столкновении французская и британская Ост-Индские компании вели боевые действия на море и на суше, и французам в основном сопутствовал успех, но, по Аахенскому миру 1748 г., им пришлось отдать британцам Мадрас в обмен на форт в Северной Америке. Десятилетие спустя, уже в ходе Семилетней войны, на субконтиненте вновь начались сражения, которые привели к капитуляции французской колониальной столицы Пондишerry.

⁸ Речь о подстрекательстве черкесов к сопротивлению; подробнее см. далее в тексте книги.

Этой огромной, политически ничейной земле вскоре предстояло стать ареной приключений честолюбивых офицеров и исследователей обеих сторон, занятых составлением карт перевалов и пустынь, по которым пришлось бы передвигаться армиям в случае войны.

К середине девятнадцатого столетия Центральная Азия уже не сходилась с газетных полос, так как древние караванные города и ханства на бывшем Шелковом пути поочередно попадали в руки русских. Едва ли не каждая неделя приносила новости о том, что верховые казаки, выступавшие наконечником русского «копья», все ближе и ближе к плохо защищенным границам Индии. В 1865 году русскому царю покорился большой укрепленный город Ташкент. Три года спустя сдались Самарканд и Бухара, а еще через пять лет русские со второй попытки овладели Хивой. Потери от русских пушек среди отважных, но недостаточно благоразумных для отказа от сопротивления защитников города были ужасающими. «В Азии, – объяснял один русский генерал, – чем сильнее бьешь, тем дольше местные будут смиренными»⁹.

Несмотря на постоянные заверения Санкт-Петербурга об отсутствии враждебных намерений в отношении Индии и слова о том, что очередное наступление уже точно последнее, многим сторонним наблюдателям казалось, что все это этапы общего устремления подчинить власти русской короны всю Центральную Азию. А после осуществления этого плана, как думали, начнется финальное наступление на Индию, на величайшее сокровище Британской империи. Ни для кого не было секретом, что наметки такого вторжения составляли наиболее талантливые русские полководцы, а численности армии вполне хватало для реализации этой затеи.

По мере сближения двух линий фронта Большая игра становилась все азартнее. Вопреки опасностям, главным образом со стороны враждебных племен и правителей, совершенно не ощущалось недостатка в бесстрашных молодых офицерах, готовых рисковать жизнью по ту сторону границы, чтобы заполнять белые пятна на картах, следить за передвижениями русских и пытаться завоевать расположение недоверчивых ханов. Как уже отмечалось, Стодарт и Конолли далеко не единственные не вернулись живыми с коварного севера¹⁰. Большинство участников этой теневой схватки составляли профессионалы, офицеры британской Индийской армии или политические агенты, которых начальники в Калькутте отправили для сбора сведений любого рода. Также хватало и любителей, не менее способных и дерзких; зачастую это были состоятельные путешественники, по выражению одного из царских министров, «ввязаться в турнир теней»¹¹. Одни маскировались, другие же не прятали регалий.

Некоторые районы считались чересчур опасными или политически слишком неудобными для того, чтобы там появлялись европейцы, даже под чужой личиной. Тем не менее ради защиты Индии эти районы следовало изучить и нанести на карту. Вскоре было найдено оригинальное решение: тайным техникам наблюдения стали обучать индийских горцев, людей недюжинного ума и отменных способностей; далее их перебрасывали через границу под видом мусульманских проповедников или буддистских паломников. Таким образом, зачастую с немалым риском для жизни, они тщательнейшим образом нанесли на карты тысячи квадратных миль прежде не обследованных территорий. Русские, со своей стороны, использовали монгольских буддистов для проникновения в местности, считавшиеся слишком опасными для европейцев.

Что бы ни утверждали историки сегодня в ретроспективе, в ту пору русская угроза Индии представлялась вполне реальной. В конце концов, она казалась очевидной для всякого, кто удосужился бы взглянуть на карту. Четыре столетия подряд Российская империя неуклонно расширялась – со скоростью приблизительно 55 квадратных миль в день, или около 20 000

⁹ Слова генерала М. Д. Скобелева из разговора с Ч. Марвином (о последнем см. в главе 31 книги).

¹⁰ Имеется в виду север индийского театра военных действий.

¹¹ Эти слова приписываются министру иностранных дел России К. В. Нессельроде. См.: *Сергеев Е. Ю.* Большая игра, 1856–1907. М.: КМК, 2012.

квадратных миль в год. В начале XIX века Российскойскую и Британскую империи разделяло в Азии более 2000 миль. К концу столетия это расстояние сократилось до нескольких сотен миль, а в отдельных областях Памира не превышало двух десятков миль. Поэтому нет ничего удивительного в страхах, будто казаки соскочат наземь из седел, как только Индия тоже станет русской.

Помимо профессионалов, вовлеченных в Большую игру, в Британии появилось множество стратегов-любителей, следивших за ней со стороны и щедро раздававших советы в потоке книг, статей, страстных брошюр и писем в газеты. По большей части эти комментаторы и критики были яркими русофобами и придерживались «ястребиных» взглядов. Они утверждали, что единственный способ остановить продвижение русских заключается в «упреждающей» политике. Под этим подразумевалось действие на опережение – либо вторжение, либо создание покладистых «буферных» государств-сателлитов на вероятных путях русского наступления. К числу сторонников этой политики принадлежали также честолюбивые молодые офицеры Индийской армии и сотрудники политического департамента, охотно включившиеся в новое бодрящее состязание в пустынях и на перевалах Центральной Азии. Это состязание сулило приключения и продвижение по службе – возможно, даже особое упоминание в имперской истории. Альтернативой же была скука полковой жизни на душных и знойных равнинах Индии.

Впрочем, далеко не все были убеждены, что русские намерены вырвать Индию из британских рук или что они в военном отношении способны на подобное свершение. Эти противники упреждающей политики считали, что наилучшей защитой Индии служит ее уникальное географическое положение – в окружении могучих горных хребтов, при обилии полноводных рек, широких безводных пустынь и многочисленных воинственных племен. Когда, преодолев все эти препятствия, русские войска достигнут Индии, они, как утверждалось, настолько ослабнут, что будут уже не в состоянии тягаться с поджидающей британской армией. Потому более разумно вынудить противника чрезвычайно растянуть линии коммуникаций, но не делать того же самим. Такая политика – «оборонительная», или «политика искусного бездействия», как ее называли, – обладала дополнительным преимуществом: по расчетам, она обходилась гораздо дешевле, чем соперничающая с ней упреждающая. Однако для каждой из обеих политик должно было подойти свое время.

По возможности я в своем изложении старался передать историю не через исторические или геополитические нарративы, а через судьбы отдельных людей, принимавших участие в великой схватке империй – как с той, так и с другой стороны. Моя книга не притязает на освещение истории англо-российских отношений того времени. Это уже тщательно проделано такими видными современными британскими и американскими историками, как Андерсон, Глизон, Ингрем, Марриот и Япп, чьи работы указаны в приводимой библиографии. Также в моей книге не найти анализа сложных, непрерывно менявшихся отношений Лондона и Калькутты. Эта тема – безусловно, заслуживающая внимания – скрупулезно исследована в многочисленных исторических работах о Британской Индии; совсем недавно к ней обратился сэр Пендерел Мун¹² в своем монументальном исследовании (объемом в 1235 страниц) «Британское завоевание и правление в Индии».

Повествуя главным образом о людях, моя книга изобилует множеством действующих лиц. В ней присутствует более сотни персонажей, а охватывает она срок жизни минимум трех поколений. Начинается она историей Генри Поттинджера и Чарльза Кристи в 1810 году, а заканчивается историей Френсиса Янгхасбенда почти столетие спустя. Упоминаются и русские участники игры, столь же талантливые и дерзкие, как и их британские противники, – от бес-

¹² Британский чиновник, администратор и министр финансов в индийском княжестве Бахавалпур (юго-восток современного Пакистана), автор ряда «колониальных» исследований.

страшного Муравьева и загадочного Виткевича до могучего Громбчевского и коварного Бадмаева. Придерживаясь совершенно противоположной точки зрения на эти события, современные советские исследователи проявляют заметный интерес к подвигам своих участников этой игры и испытывают за них известную гордость. Не придумав собственного подходящего названия для этих событий, некоторые русские рассуждают о «Большой игре» (калька с Great Game). Описывая подвиги британцев и русских, я старался оставаться предельно объективным, дабы факты говорили сами за себя, а оценки пусть выносят читатели.

Пусть совокупность событий Большой игры не является чем-то особенным в контексте мировой истории, из нее, по крайней мере, явствует, что за последнюю сотню лет в регионе мало что изменилось. Захват посольств неистовствующими толпами, убийства дипломатов, отправка боевых кораблей в Персидский залив – все это видели наши викторианские предки. В самом деле, заголовки нынешних газет зачастую неотличимы от тех, что публиковались сто и больше лет назад. Похоже, мы сумели извлечь немного пользы из болезненных уроков прошлого. Вспомни русские в декабре 1979 года о печальном опыте англичан в Афганистане в 1842 году при довольно схожих обстоятельствах, они вряд ли угодили бы в ту же ужасную ловушку, унесшую жизни 15 000 молодых русских парней¹³, не говоря уже о неисчислимом количестве невинных афганских жертв. Москва слишком поздно поняла, что афганцев победить нельзя. Они не только не утратили своих устрашающих боевых способностей, особенно на той территории, которую выбирают для сражений сами, но и быстро освоили новейшие методы ведения военных действий. Смертоносные длинноствольные ружья – джезайли, – которые в свое время сеяли смерть в рядах британских красных мундиров, нашли достойное современное продолжение в реагирующих на тепло «стингерах», столь смертоносных для русских штурмовых вертолетов.

Могут возразить, что Большая игра в действительности никогда не прекращалась, что она была всего-навсего предшественницей холодной войны наших дней и питалась теми же страхами, подозрением и непониманием. Что ж, люди вроде Конолли и Стоддарта, Поттинджера и Янгхасбенда без труда узнали бы в схватке XX века свою собственную, разве что с куда более высокими ставками. Подобно холодной войне, Большая игра также имела свои периоды *detente*¹⁴, пускай они никогда не затягивались надолго (и это повод удивиться постоянству сегодняшних улучшившихся отношений между странами). Поэтому и поныне, спустя более восьмидесяти лет со дня ее официального окончания в результате подписания англо-русской конвенции 1907 года, Большая игра все еще остается угрожающе актуальной.

Перед тем как взойти на заваленные снегом перевалы и проникнуть в коварные пустыни Центральной Азии, где развивается действие этой книги, следует обратиться к русской истории семивековой давности. Ведь именно тогда случился катаклизм, оставивший неизгладимый отпечаток на русском характере. Он не только породил у русских непреходящий страх окружения, будь то перед кочующими ордами или ядерными ракетами, но и разбудил в них неудержимое стремление на восток и юг – в Азию, к возможному столкновению с Великобританией в Индии.

¹³ Согласно разным методикам подсчета, цифры безвозвратных потерь разнятся от 13 000 до 25 000 человек.

¹⁴ Разрядки (*фр.*).

Часть первая. Дебют

*Поскреби русского – найдешь татарина.
Пословица*

Глава 1. Желтая опасность

Говорили, что их запах можно учуять даже раньше, чем послышится топот лошадиных копыт. Но и тогда было уже поздно. Через несколько мгновений проливался убийственный ливень стрел, заслонявший солнце и превращавший день в ночь. А потом они обрушивались на тебя, убивая, насилая, грабя и сжигая. Подобно расплавленной лаве, они уничтожали все подряд на своем пути. Позади оставались пепелища городов и выбеленные кости, мостившие их обратный путь на родину, в Центральную Азию. «Воины Антихриста, явившиеся пожинать свой жуткий урожай», – так отзывался о монгольских ордах книжник тринадцатого столетия¹⁵.

Прить конных лучников в сочетании с блестящей и непривычной тактикой боев сокрушали войско за войском. Прежние приемы, отработанные годами межплеменных войн, позволяли им громить намного превышавшие по численности силы, отделяясь пренебрежимыми потерями. Вновь и вновь их притворное бегство с поля боя соблазняло опытных вражеских полководцев – и обрекало тех на смерть. Считавшиеся неприступными твердыни быстро захватывались благодаря варварской практике гнать перед штурмовыми отрядами толпы пленников – мужчин, женщин и детей, чьими телами гатили крепостные рвы. Тех пленников, кто оставался в живых, заставляли тащить длинные приставные лестницы монголов к самым стенам крепости, другим приходилось под шквальным огнем неприятеля ставить осадные башни. Зачастую защитники твердынь узнавали среди пленников своих родичей и друзей и отказывались в них стрелять.

Истинные мастера черной пропаганды, монголы заботились о том, чтобы страшные рассказы об их зверствах опережали само войско, и продвигались по Азии, опустошая одно царство за другим на пути к дрожавшей от ужаса Европе. Говорили, что среди многочисленных монгольских грехов был каннибализм, что груди захваченных в плен девственниц сохраняли в качестве приношений для старших монгольских военачальников. Лишь немедленная сдача в плен допускала ничтожную возможность милосердия. После очередной битвы вождь противника медленно давили насмерть под помостами, на которых пировали победившие монголы. Если нужды в пленных не испытывали, население захваченных городов нередко истребляли поголовно, чтобы избежать возможной будущей угрозы. В других случаях всех поголовно продавали в рабство.

Чудовищный монгольский вихрь обрушился на мир в 1206 году – под началом неграмотного военного гения Темучина, прежде никому неведомого вождя крохотного племени; его славе было суждено затмить даже славу Александра Великого. Став известным под именем Чингисхана, он мечтал покорить весь мир, ибо верил, что избран для этого небом (Богом). За последующие тридцать лет ему и его преемникам это почти удалось. На вершине могущества империя монголов простиралась от побережья Тихого океана до польской границы, охватывала весь Китай, Персию, Афганистан, современную Центральную Азию, часть Северной Индии и Кавказ. Для нашего повествования важно то обстоятельство, что она включала обширные области России и Сибири.

¹⁵ Эти слова принадлежат английскому философу и монаху-францисканцу Р. Бэкону.

В ту пору Россия состояла из десятка разрозненных княжеств, которые враждовали и воевали друг с другом. Между 1219-м и 1240-ми годами все они, оказавшись не в состоянии объединиться и совместными усилиями противостоять общему врагу, одно за другим пали под ударами безжалостной военной машины монголов. Потом об этом пришлось долго сожалеть. Когда монголы покоряли какую-то местность, они принимались править через вассальных князей. Довольствуясь обильной данью, они редко вникали в подробности местного управления, но не ведали жалости, если их требованиям не подчинялись. Результатом стало тираническое правление вассальных князей, тень которого по сей день тяжело нависает над Россией, наряду с длительным обнищанием и отсталостью (с их преодолением приходится бороться до сих пор).

Более двух столетий русские страдали и изнемогали под монгольским игом – под властью Золотой Орды, как именовали себя эти торговцы смертью, по большой юрте на золотых столбах, в которой помещалась ханская ставка их западной империи¹⁶. В дополнение к жутким материальным разрушениям, учиненным захватчиками, их хищническое правление привело к тому, что экономика России оказалась в руинах, торговля и промышленность застопорились, а русский народ оказался закрепощен. Годы татаро-монгольского ига, как называют русские эту черную главу своей истории, привели также к внедрению азиатских методов управления и других восточных обычаев, наложившихся на существовавшую византийскую систему. Более того, отрезанный от либерального влияния Западной Европы народ становился все более и более восточным по своему мировоззрению и культуре. Как говорится, «поскреби русского, и найдешь татарина».

Между тем, воспользовавшись стесненными обстоятельствами и военной слабостью России, на ее территорию стали покушаться европейские соседи. Германские княжества, Литва, Польша и Швеция – все принялись нападать и грабить. До тех пор пока дань продолжала поступать исправно, монголов это не заботило: куда больше их интересовали азиатские владения. Там лежали Самарканд и Бухара, Герат и Багдад, богатством и роскошью, безусловно, затмевавшие деревянные русские поселения. У зажатых между европейскими врагами на западе и монголами на востоке русских выработался параноидальный страх перед вторжением и окружением, который до сих пор определяет для них международные отношения и внешнюю политику.

Редко когда опыт оставляет такие глубокие и устойчивые шрамы на психике народа, как это случилось с русскими. Это обстоятельство вполне объясняет их историческую ксенофобию (особенно по отношению к восточным народам), их зачастую агрессивную внешнюю политику и покорное принятие тирании у себя дома. Вторжения Наполеона и Гитлера, пусть окончившиеся неудачей, этот страх только усугубили. Лишь сегодня русские начинают выказывать признаки избавления от столь несчастливого наследия. Низкорослые и жестокие конники, которых обрушил на мир Чингисхан, несут ответственность за многие события на протяжении четырехсот с лишним лет после того, как их власть была окончательно свергнута и сами они канули в тот мрак, из которого когда-то появились.

Избавлением от монгольского господства русские обязаны Ивану III, известному под именем Ивана Великого, тогда великого князя Московского. Во времена монгольского нашествия Москва была крохотным, незначительным провинциальным городком, находившимся в тени своих могущественных соседей. Однако не было, пожалуй, более усердных вассальных князей по уплате дани и проявлению почтения к чужеземным правителям, чем московские князья. В награду за такую преданность ничего не подозревавшие монголы предоставляли им все больше власти и свобод. Годами Москва – теперь уже Московское княжество – росла, набирала силу, увеличивала свои размеры и в итоге вознеслась над всеми своими соседями.

¹⁶ Уже с 1266 г., при внуке Батыя Менгу-Тимуре, Золотая Орда (улус Джучи) обрела полную самостоятельность.

Занятые внутренними распрями монголы слишком поздно заметили, в какую угрозу для них превратилось Московское княжество.

Прозрение пришло в 1480 году. Как говорят, в приступе ярости Иван растоптал портрет властителя Золотой Орды Ахмед-хана и приказал казнить его посланников. Одному удалось бежать, и он принес весть об этом дерзком акте неповиновения своему властелину. Решив проучить бунтовщика и преподать незабываемый урок, Ахмед-хан двинул свое войско против Московского княжества. К его изумлению, на дальнем берегу реки Угра, в 150 милях от Москвы, он обнаружил поджидавшее многочисленное и хорошо снаряженное войско. Несколько недель противники смотрели друг на друга через реку, не предпринимая попыток ее форсировать. Когда же, с приближением зимы, начало подмораживать, грядущая жестокая сеча как будто сделалась неизбежной.

Именно тогда произошло нечто невероятное. Без какого-либо предупреждения оба войска неожиданно снялись с мест и двинулись прочь, словно их одновременно охватила паника. Несмотря на собственное бесславное поведение, русские поняли, что с тянувшимся столетиями рабством покончено навсегда. Стало ясно, что их угнетатели утратили вкус к битве. Когда-то внушавшая ужас монгольская военная машина больше не выглядела несокрушимой. Их централизованная власть на западе наконец-то рухнула, оставив последние осколки некогда могущественной империи Чингисхана и его преемников – три изолированных друг от друга ханства: Казанское, Астраханское и Крымское. При этом, пусть цельная власть монголов и была свергнута, три оставшихся ханства представляли собой несомненную угрозу. Чтобы чувствовать себя в безопасности, их следовало уничтожить.

На долю одного из преемников Ивана Великого – Ивана Грозного – выпало овладеть первыми двумя из перечисленных ханств и присоединить их к быстро расширявшемуся Московскому царству. Охваченные жаждой мести русские войска в 1553 году штурмом взяли крепость Казань в верховьях Волги и перебили ее защитников точно так же, как делали монголы, опустошая крупные русские города. Два года спустя такая же участь постигла Астраханское ханство, расположенное у впадения Волги в Каспийское море. Продолжал держаться только Крым, последний оставшийся татарский редут, и то лишь благодаря покровительству Османской империи, султаны которой видели в полуострове ценный плацдарм против русских. Таким образом, если не считать случайных набегов крымских татар, монгольская угроза была ликвидирована навсегда. Это открыло дорогу величайшему колониальному предприятию в истории – русской экспансии на восток, в Азию.

Первая стадия этого предприятия состояла в продвижении московских первопроходцев, солдат и торговцев на четыре тысячи миль через необозримую Сибирь с ее могучими реками, ледяными пустынями и непроходимыми лесами. Сравнимое по многим признакам с освоением американского Запада первыми поселенцами, это продвижение заняло больше столетия и закончилось тогда, когда русские достигли побережья Тихого океана и прочно там обосновались. Впрочем, покорение Сибири, одна из величайших эпопей в истории человечества, остается вне рамок нашей истории. Этот обширный и негостеприимный регион лежал слишком далеко от других великих держав, лишь англичане в Индии могли ощущать подобие угрозы с этой стороны. Однако его колонизация была первой стадией процесса экспансии, которая не прекращалась до тех пор, пока Россия не стала крупнейшей в мире страной и – по крайней мере, в глазах англичан – не превратилась во все нарастающую угрозу для Индии.

* * *

Первым из царей, обратившим взор в сторону Индии, стал Петр Великий. Болезненно воспринимая чрезвычайную отсталость своей страны и ее уязвимость перед нападением извне – что во многом было обусловлено «потерянными» из-за монголов столетиями, – он решил не

просто догнать остальную Европу экономически и социально, но и создать такую армию, которая не уступала бы армии любой другой державы. Для этого отчаянно требовались деньги, ведь казну опустошила одновременная война со Швецией и Турцией. По счастливому совпадению именно тогда начали поступать из Центральной Азии донесения о том, что на берегах реки Окс (Амударья) – в отдаленном и враждебном краю, где ранее побывало всего несколько русских и прочих европейцев, – обнаружены большие залежи золота. Из сообщений русских путешественников Петр также знал, что за горами и пустынями Центральной Азии лежит Индия – страна легендарных богатств. Ему было известно, что эти богатства с размахом вывозят морем европейские соперники, в первую очередь англичане. Проницательный царь занялся составлением планов по присвоению золота Центральной Азии и доли индийских сокровищ.

За несколько лет до того к Петру обратился хивинский хан – мусульманский владыка, пустынные земли которого лежали по обе стороны реки Окс, – за военной помощью в усмирении непокорных местных племен. В обмен на покровительство русских хан предложил Петру стать вассалом царя. Питая в то время лишь незначительный интерес к Центральной Азии (или не питая вовсе) и будучи занят делами дома и в Европе, Петр об этом предложении забыл. Но теперь ему пришло на ум, что обладание Хивой, лежащей на полпути между его собственными владениями и границами Индии, обеспечит тот самый плацдарм, в котором он так нуждался. Оттуда его геологи смогут вести поиски золота, это место послужит промежуточной перевалочной базой для караванов, которые, как он надеялся, вскоре потянутся из Индии с грузом экзотических сокровищ, предназначенных как для внутреннего, так и для европейского рынка. Используя прямой наземный путь, можно нанести серьезный урон текущей морской торговле, так как морем путь из Индии занимал почти год. Более того, дружески настроенный хан мог снабжать караваны вооруженным сопровождением, что позволило бы сэкономить немалые расходы на наем русских войск.

Петр решил направить в Хиву хорошо вооруженную экспедицию, чтобы, пусть с некоторым опозданием, принять предложение хана. В обмен тот получал постоянную русскую стражу для собственной защиты, а его семье гарантировалось бы наследственное владение тронном. Если выяснится, что намерения хана изменились или что хан оказался не слишком дальновидным и захотел сопротивляться, приданная экспедиции артиллерия привела бы его в чувство, обратив в пыль глинобитную архитектуру средневековой Хивы. После овладения Хивой, желательно на дружеской основе, можно было начинать поиски золота Окса и разведку караванного пути в Индию. Во главе этой важной экспедиции поставили кавказского князя, мусульманина, обращенного в православие, офицера элитного лейб-гвардейского полка Александра Бековича¹⁷. Петр посчитал, что Бекович, благодаря своему происхождению, будет идеальной кандидатурой для ведения дел с восточным приятелем. Воинский отряд насчитывал 4000 человек, включал пехоту, кавалерию, артиллерию и некоторое число русских купцов, а также 500 лошадей и верблюдов.

Помимо кочевавших в этом отдаленном краю враждебных туркмен главной опасностью, с которой предстояло столкнуться Бековичу, была обширная пустыня более пятисот миль в ширину между восточным побережьем Каспийского моря и Хивой. Преодолевать ее предстояло не только экспедиции, но также и тем груженым русским караванам, что будут возвращаться из Индии. Здесь на помощь пришел дружественный туркменский вождь. Он рассказал Петру, что много лет назад река Окс, впадающая в Аральское море, впадала в море Каспийское, а местные племена направили ее в нынешнее русло посредством плотин. Петр справедливо рассудил, что если это правда, то его инженерам не составит труда разрушить плотины и вернуть реку в прежнее русло. Тогда товары между Индией и Россией будет возможно на протяжении значительной части пути перевозить по воде и тем самым избежать опасного перехода

¹⁷ До крещения – кабардинский князь Девлет-Гирей-мурза; *Бекович* – прозвище по имени отца (Бекмурзы).

по пустыне. Перспективы приобрели более четкие очертания, когда русская изыскательская партия сообщила об обнаружении в пустыне, недалеко от побережья Каспия, пересохшего речного русла – должно быть, старого русла реки Окс.

Отпраздновав русскую Пасху, в апреле 1717 года Бекович с экспедицией отплыл под парусами из Астрахани, расположенной в северной оконечности Каспийского моря. В поход по обширному внутреннему морю выдвинулась и сопроводительная флотилия приблизительно из ста небольших судов; экспедиция взяла с собой запас провизии почти на год. Но все предприятие заняло куда больше времени, чем предполагалось, и только в середине июня русские вышли в пустыню и двинулись на восток, в сторону Хивы. Вскоре люди начали страдать от необычайной жары и жажды и умирать из-за солнечных ударов и других болезней. Одновременно приходилось отражать нападения воинственных племен, стремившихся помешать их продвижению. Но о том, чтобы повернуть, не могло быть и речи (все страшилось царского гнева), поэтому поход продолжался, а трудности мужественно преодолевались. Наконец, в середине августа, после двух с лишним месяцев перехода по пустыне, до столицы ханства осталось всего несколько дней пути.

Далеко не уверенный в теплом приеме, Бекович выслал вперед группу своих людей с богатыми дарами для хана и велел заверить, что их миссия носит исключительно дружеский характер. Надежды на успешное завершение похода заметно укрепились, когда хан лично прибыл приветствовать царского посланца. Обменявшись любезностями и совместно насладившись выступлением оркестра экспедиции, Бекович с ханом направились к городу верхом, а довольно малочисленная охрана следовала чуть поодаль. Когда приблизились к городским воротам, хан объяснил Бековичу, что не сможет разместить и накормить в Хиве столько людей одновременно. Вместо этого он предложил русским разделить на несколько отрядов, которые затем надлежащим образом разместят и накормят в близлежащих селениях.

Опасаясь обидеть хана, Бекович согласился и приказал своему заместителю майору Франкенбургу разделить войско на пять отрядов и направить каждый на назначенные квартиры. Франкенбург горячо возражал и ссылаясь на дурные предчувствия. Но Бекович продолжал настаивать на выполнении своего приказа. Поскольку Франкенбург упорствовал, Бекович предупредил, что отдаст майора по возвращении домой военному суду, если тот не подчинится. В результате войско разделилось на пять отрядов, и случилось именно то, чего добивались хивинцы.

Они повсюду напали на ничего не подозревавших русских. В числе первых погиб сам Бекович. Его схватили, сорвали мундир и на глазах хана изрубили на куски. Потом отрубили голову, набили соломой и вместе с головами Франкенбурга и других старших офицеров выставили на обозрение ликующей толпы. Между тем русских солдат, оставшихся без командования, тоже методично уничтожали. Около четырех десятков сумели ускользнуть от кровавой бойни, но, когда все было кончено, хан велел их выстроить на главной площади города, чтобы казнить на глазах у местных. Их жизни спасло вмешательство хивинского ахуна – духовного вожака, – который напомнил хану, что победа одержана благодаря предательству и что безжалостное избиение пленных только утяжелит его вину в глазах Аллаха.

Такой поступок требовал немалого мужества, но на хана он произвел должное впечатление, и уцелевших русских пощадили. Некоторых продали в рабство, другим позволили проделать мучительный путь через пустыню обратно к Каспию. Те, кто пережил путешествие, донесли печальные вести до своих товарищей, что дожидались в двух крохотных деревянных фортах, построенных перед началом Хивинского похода. Оттуда новости передали Петру Великому в только что отстроенную столицу, Санкт-Петербург. Тем временем хан, желая похвастаться победой над русскими, отправил голову Бековича – князя-мусульманина, продавшего душу царю неверных, – своему соседу, эмиру Бухары. Тело же Бековича выставили на всеобщее обозрение в Хиве. Но жуткий трофей тотчас был возвращен, а бухарский эмир

заявил, что никоим образом не намерен потворствовать подобному вероломству. Скорее всего, он попросту испугался возможного гнева русских.

Хивинскому хану повезло куда больше, чем он сам, вероятно, рассчитывал, поскольку имел слабое представление о размерах и военной мощи северной державы. Никакого возмездия не последовало: Хива была слишком далеко, а Петр, расширявший границы империи повсюду, особенно на Кавказе, имел достаточно хлопот для того, чтобы посылать карательную экспедицию и мстить за Бековича и его людей. Это могло подождать, пока руки не будут развязаны. Фактически прошло немало лет, прежде чем русские снова предприняли попытку включить Хиву в число своих владений. Правда, предательство хана осталось безнаказанным, но о нем не забыли, и оно еще сильнее утвердило русских в недоверии к жителям Востока. Впоследствии они мало кого щадили, завоевывая и подчиняя себе мусульманские племена Центральной Азии и Кавказа; да и в наши времена жестоко обходились с моджахедами в Афганистане (хотя в этом случае дела у них пошли менее успешно).

Так или иначе, Петр больше не возвращался к своей мечте открыть золотой путь в Индию, по которому могли потечь невообразимые богатства. Он и без того затеял сразу столько дел, что едва ли мог надеяться завершить их в течение своей жизни (большую часть все же выполнил). Много лет спустя после его кончины в 1725 году по Европе стала расходиться странная история относительно последней воли Петра. Как утверждали, на смертном одре он велел своим преемникам и последователям осуществить историческую миссию России – а именно добиться мирового господства. Обладание Индией и Константинополем являлось двойным ключом к такому господству, и Петр настойчиво призывал не успокаиваться до тех пор, пока город и регион не окажутся в русских руках. Самого документа никто никогда не видел, большинство историков считает, что его никогда не существовало. Но трепет и страх перед Петром Великим были столь велики, что временами в этот документ начинали верить и принимались публиковать различные версии предполагаемого текста. В конце концов легендарное завещание превратилось в своеобразный наказ, оставленный неугомонным и амбициозным гением грядущим поколениям. Последующее движение России в сторону Индии и Константинополя многим виделось достаточным подтверждением этого факта. Вплоть до недавнего времени на Западе были твердо уверены в том, что долгосрочной целью России является мировое господство.

* * *

Только сорок лет спустя, во времена правления Екатерины Великой, Россия снова начала выказывать признаки интереса к Индии, где британская Ост-Индская компания последовательно укрепляла свои позиции – главным образом за счет французов. Одна из предшественниц Екатерины – любительница наслаждений Анна Иоанновна – вернула все кровопролитные петровские завоевания на Кавказе персидскому шаху (что едва ли находилось в согласии с предполагаемым завещанием Петра) на том основании, что эти земли истощают казну¹⁸. Но Екатерина, подобно Петру, тяготела к экспансии. Все знали, что она грезилась выдворить турок из Константинополя и восстановить там Византию – под русской властью. Тем самым русский флот получил бы доступ в Средиземное море, тогда в значительной мере сделавшееся «Британским озером», из Черного моря, все еще сильно напоминавшего «Турецкое озеро».

Известно, что в 1791 году, ближе к концу правления, Екатерина обсуждала тщательно разработанный план по освобождению Индии из крепнущей хватки Великобритании. Пожа-

¹⁸ Имеется в виду Гянджинский договор 1735 г., по которому Россия обязывалась вернуть Персии Баку и Дербент с прилегающими землями в обмен на обязательство Персии не передавать их под власть других держав и продолжать войну с Турцией.

луй, нет ничего удивительного в том, что эту мысль породил острый французский ум – а конкретнее, за нею стояла некая таинственная личность по имени мсье де Сен-Жени¹⁹. Этот мсье предложил Екатерине провести войска по суше через Бухару и Кабул, объявив во всеуслышание, что русские намерены восстановить мусульманское правление Моголов во всей их былой славе. Он утверждал, что такое заявление привлечет под знамена Екатерины войска расположенных на пути вторжения мусульманских ханств и побудит массы в Индии подняться против британцев. Дальше обсуждения плана дело не пошло (Екатерину отговорил ее главный министр и бывший любовник, одноглазый князь Потемкин), но это был первый из длинной цепочки подобных прожектов вторжения в Индию, с которыми русские государи забавлялись еще около столетия.

Екатерине не удалось присоединить к своим владениям ни Индию, ни Константинополь, однако она предприняла ряд шагов в этом направлении и не только вновь отвоевала у персов возвращенные им Анной кавказские территории, но и овладела Крымом, последним сохранившимся оплотом монгольской империи. На протяжении трех столетий Крым опирался на поддержку турок, которые видели в полуострове надежный оплот против укреплявшегося северного колосса. Но к концу XVIII века прежде крайне воинственные крымские татары перестали быть той силой, с которой следовало считаться. Используя преимущества территориальных завоеваний, достигнутых на северном побережье Черного моря, и внутренние раздоры среди татар, Екатерина смогла присоединить Крымское ханство к своим владениям без единого выстрела. Она добилась этого, по ее собственным словам, просто путем расклеивания в наиболее важных местах объявлений, извещавших жителей Крыма, что она принимает их под свою руку²⁰. Обвиняя в своих несчастьях турок, потомки Чингисхана смиренно приняли перемены в судьбе.

Теперь Черное море перестало быть «Турецким озером»: русские не только построили новую гигантскую военно-морскую базу и арсенал в Севастополе – их боевые корабли при необходимости могли в течение двух суток достичь Константинополя. Правда, к счастью для турок, вскоре после присоединения Крыма жестокий шторм отправил на дно весь русский Черноморский флот, временно устранив угрозу²¹. К моменту смерти Екатерины великий город, раскинувшийся по обе стороны Босфора, – город, который она мечтала освободить от мусульманского владычества, – по-прежнему оставался в турецких руках, но дорога к нему стала гораздо короче. Русское присутствие на Ближнем Востоке и на Кавказе впервые обеспокоило высших чиновников британской Ост-Индской компании. Одним из первых ощутил угрозу Генри Дандес, президент нового совета управляющих компании. Он предупредил об опасности вытеснения русскими из этих регионов турок и персов и об опасности для британских интересов, если сердечные отношения, существовавшие тогда между Лондоном и Санкт-Петербургом, когда-либо ухудшатся или совсем прервутся.

Правда, в свете дальнейших событий эти страхи мгновенно забылись. Неожиданно на сцену вышел новый призрак, воплощавший собой куда более непосредственную угрозу поло-

¹⁹ Автор многотомного трактата «Французские военные хитрости» (1763–1769), «шевалье короля Людовика», как гласил подзаголовок издания.

²⁰ Речь идет о так называемых присяжных листах, которые распространялись по Крымскому полуострову стараниями князя Потемкина и в которых говорилось, что жители такого-то населенного пункта присягают на верность Екатерине. В рескрипте императрицы Потемкину (автор цитирует этот документ в пересказе) дословно говорилось: «А между тем удостоверены мы, что вы, доводя и наклоня тамошния дела к желаемому нами состоянию и к прямой цели нашей, не упустите употребить все способы завести посреди татарских народов ближайшия связи, поселить в них доброхотство и доверие к стороне нашей и, когда потребно окажется, склонить их на принесение нам просьбы о принятии их в подданство наше». См.: Подписанный Имп. Екатериною II рескрипт кн. Г. А. Потемкину о необходимости присоединить к России Крым при первом к тому поводе // Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 27. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1880.

²¹ Формально Черноморского флота как такового еще не существовало; здесь имеется в виду гибель Севастопольской эскадры в сентябре 1787 г., когда буря разбросала корабли практически по всему морю.

жению Британии в Индии. В свои двадцать с небольшим лет Наполеон Бонапарт горел желанием отомстить англичанам за былые поражения французов. Он обратил свой хищный взор на восток. Под впечатлением одержанных побед в Европе он поклялся унижить высокомерных бриттов, перерезать пути в Индию, к этому источнику их могущества и богатства, и при возможности вообще отнять у них это величайшее сокровище империи. Он считал, что первым шагом в данном направлении станет стратегический плацдарм на Ближнем Востоке. «Чтобы завоевать Индию, сначала нужно стать хозяевами в Египте», – объявил он.

Наполеон не тратил время на разговоры; он собрал все книги, посвященные этому региону, которые смог найти, и принялся их штудировать, жирно подчеркивая наиболее важные места. «Я мечтал обо всем на свете, – объяснял он много лет спустя. – Я создавал религию, уже видел себя по пути в Азию едущим на слоне с тюрбаном на голове, держа в руке новый Коран, который сочиняю по своему желанию»²². К весне 1798 года все было готово, и 19 мая армада с французскими войсками на борту тайно вышла из портов Тулона и Марселя.

²² Цит. по: *Ремюза К.* Мемуары госпожи Ремюза. М.: Захаров, 2011. Перевод О. Рудченко.

Глава 2. Кошмар Наполеона

Новый генерал-губернатор Индии лорд Уэлсли²³ впервые услышал сенсационные и неприятные новости о том, что Наполеон высадился в Египте с сорокатысячной армией, из уст уроженца Бенгалии. Этот человек только что прибыл в Калькутту на борту быстроходного арабского судна из Джидды на Красном море. Прошла целая неделя, прежде чем известие подтвердили разведчики, прибывшие в Бомбей на британском военном корабле. Отчасти задержка объяснялась тем, что французские силы вторжения сумели ускользнуть от британского средиземноморского флота, и несколько недель никто не знал, направляются они в Египет или намерены обогнуть мыс Доброй Надежды и двинуться в Индию.

Сам факт перемещения столь многочисленной армии заставил Лондон беспокоиться, и сильнее всего встревожились лорд Дандес и его коллеги в совете управляющих Ост-Индской компании. Положение компании в Индии никак нельзя было назвать прочным, пусть компания, несомненно, являлась главной европейской силой и фактически контролировала всю торговлю страны. Противостояние с французами и другими конкурентами грозило банкротством, возможности справиться с предполагаемым вторжением Наполеона у компании не было. Поэтому совет с изрядным облегчением встретил весть, что Наполеон намеревается высадиться в Египте, хотя и это обстоятельство само по себе восприняли как достаточную угрозу. Широко распространялись различные догадки относительно возможных дальнейших шагов императора. Главенствовали две точки зрения: согласно одной, Наполеон мыслил наступать по суше через Сирию или Турцию и напасть на Индию со стороны Афганистана или Белуджистана; согласно другой, он должен был прийти морем, отплыв из какого-либо порта на египетском побережье Красного моря.

Дандес не сомневался в том, что французы выберут сухопутный маршрут, и даже обращался к правительству с просьбой привлечь русскую армию для перехвата противника. Собственные военные эксперты компании были уверены, что вторжение, если оно состоится, произойдет с воды, даже при том что Красное море большую часть года закрыто для плавания из-за встречных ветров. Чтобы противостоять этой опасности, отдельную британскую эскадру срочно направили вокруг мыса Доброй Надежды для блокады выхода из Красного моря, а вторую выслали навстречу из Бомбея. Стратегическое значение маршрута через Красное море не было секретом для Калькутты. Несколько лет назад новости о начале войны между Англией и Францией именно этим путем в кратчайший срок достигли Индии, что позволило силам компании опередить ничего не подозревавших французов. В те времена, в отличие от наших дней, регулярного транспортного сообщения с Египтом через Красное море еще не существовало, но срочные сообщения при необходимости доставлялись именно этим путем, а не обычным маршрутом вокруг мыса Доброй Надежды (последний переход занимал, в зависимости от ветра и погоды, не меньше девяти месяцев). Правда, наполеоновская оккупация Египта вынудила временно отказаться от этого «спрямления» пути.

Итак, высшие правительственные чиновники и должностные лица компании в Лондоне испытывали нешуточные опасения, однако сам лорд Уэлсли не то чтобы утратил страх перед пребыванием Наполеона в Египте – он был искренне убежден, что оттуда невозможно организовать успешное вторжение в Индию, ни по суше, ни по морю. Тем не менее он не преминул использовать страхи тех, кто находился в Лондоне, к собственной выгоде. Будучи твердым сторонником упреждающей политики, он настойчиво стремился раздвигать границы индийских владений компании – тогда как прочие директора старались лишь сохранить прежние рубежи, желая получать прибыль для нетерпеливых акционеров, а не совершать дорогостоящие терри-

²³ Ричард Уэлсли, старший брат знаменитого герцога Веллингтона.

ториальные приобретения. Впрочем, компания все-таки – против своей воли – угодила в тот вакуум власти, что возник в результате падения династии Моголов, и потому все больше втягивалась в правительственные и административные дела. Как следствие, вместо обещанных акционерам ежегодных дивидендов руководство компании столкнулось с непрерывно нараставшими долгами и постоянной угрозой банкротства. Управляющие понимали, что потенциальное вторжение, даже если удастся его отразить, разорит компанию окончательно. Ведь на помощь правительства, занятого схваткой не на жизнь, а на смерть с Францией, особо рассчитывать не приходилось.

Текущий кризис предоставил Уэлсли именно ту возможность, в которой он нуждался. Появился достойный повод для смещения и конфискации собственности тех местных правителей, кто проявлял дружелюбие по отношению к французам (агенты последних в Индии действовали крайне активно). На этом Уэлсли не остановился. Лондону пришлось развязать ему руки для защиты имущественных интересов метрополии, и он сполна воспользовался этим шансом, присоединив к владениям британской короны обширные области страны. Поскольку отчеты из Индии добирались до Лондона очень долго (да и составлялись нарочито туманно), никто не мешал Уэлсли заниматься экспроприацией территорий все семь лет его пребывания на посту генерал-губернатора. Так что к моменту отзыва Уэлсли с должности в 1805 году территории компании, считая частично или полностью подконтрольные государства и области, заметно расширились. Вместо трех первоначальных прибрежных районов вокруг Калькутты, Мадраса и Бомбея теперь они включали большую часть Индии; независимость сохраняли только Синд, Пенджаб и Кашмир.

Исходным стимулом или предлогом для такого расширения империи послужило стремительное продвижение Наполеона. Впрочем, эта угроза, вызвавшая панику в Лондоне, чрезвычайно быстро исчезла. Пытаясь искупить вину за неудачные попытки перехватить французский флот на пути к Египту, адмирал Горацио Нельсон в конце концов обнаружил врага в заливе Абукир, к востоку от Александрии. Там он заманил французов в ловушку и уничтожил, спаслись бегством всего два корабля. Тем самым Нельсон отрезал Наполеона от Франции и прервал снабжение армии, заодно вынудив императора ломать голову над способами возвращения домой. Эта морская победа англичан позволила руководству Ост-Индской компании в Лондоне перевести дух, а вот юный Наполеон отнюдь не расстался со своей мечтой выдворить англичан из Индии и построить великую французскую империю на Востоке. Совершенно не обескураженный поражением в Египте, по возвращении во Францию он предпринял новый поход и одержал в Европе целый ряд блистательных побед.

Еще перед отплытием в Европу он получил удивительное предложение из Санкт-Петербурга. Это случилось в начале 1801 года: послание от наследника Екатерины Великой – царя Павла Первого – открывало возможность отомстить англичанам и реализовать честолюбивые фантазии на Востоке. Павел, разделявший нелюбовь Наполеона к англичанам, решил возродить план вторжения в Индию, отвергнутый Екатериной десять лет назад. В этом плане предусматривался марш русских войск через Центральную Азию на юг. Но Павлу пришла на ум новая идея – совместное наступление русских и французов, что практически гарантировало победу над воинскими силами компании. Тайно переслав свой грандиозный план Наполеону, которым Павел восхищался почти до безумия, царь стал ждать ответа.

Идея Павла заключалась в том, чтобы послать 35 000 казаков через Туркестан, рекрутируя по дороге воинственные туркменские племена и суля тем невообразимую добычу, если они помогут выдворить англичан из Индии. Одновременно французская армия приблизительно такой же численности должна была спуститься по Дунаю, пересечь на русских судах Черное море и пройти по Дону, Волге и Каспийскому морю до Астрабада на юго-восточном побережье. Здесь французам предстояло встретиться с царскими казаками и уже вместе двинуться на восток – через Персию и Афганистан к реке Инд. Оттуда следовало начать совместное масси-

рованное наступление на англичан. Павел распланировал движение войск с точностью почти до часа. Он рассчитал, что французам понадобится двадцать дней на выход к Черному морю. Пятьдесят пять дней спустя они вместе с русскими союзниками должны были вступить в Персию, а еще через сорок пять дней – увидеть Инд. Всего получалось ровно четыре месяца. Чтобы завоевать симпатии местного населения и привлечь к сотрудничеству персов и афганцев, через чьи территории придется идти войскам, предлагалось рассылать глашатаев для объяснения причин похода. Объявлять предстояло следующее: «Страдания, от которых изнывает население Индии, вызвали сочувствие России и Франции, и две державы объединились с единственной целью освободить миллионы индийцев от тиранического и варварского ярма англичан».

Схема Павла несколько не убедила Наполеона. «Допуская, что объединенная армия встретилась в Астрабаде, – спрашивал он царя в письме, – как она попадет в Индию через бесплодную и почти дикую местность, что простирается на добрую тысячу миль?»²⁴ Павел возразил, что на самом деле эта область вовсе не бесплодная и не дикая, что «дорога открыта и просторна давно... почва не покрыта сыпучими песками; реки орошают ее почти на каждом шагу; в кормовых травах недостатка нет; рис произрастает в изобилии и составляет главную пищу жителей»²⁵. Неизвестно, от кого царь получил столь красочное описание мрачного пути через пустыни и горы, которые предстояло преодолеть, чтобы достичь цели; не исключено, что он опирался на собственные измышления. Свое письмо Павел закончил таким призывом к человеку, которым восхищался: «Французская и русская армии стремятся к славе. Они смелы, терпеливы и неутомимы. Храбрость их солдат, упорство и мудрость командиров позволят им преодолеть все препятствия». Однако Наполеон, продолжая сомневаться, все же отклонил приглашение Павла присоединиться к этому рискованному предприятию. Тем не менее, как мы увидим далее, в его собственной голове начала складываться новая схема, отличавшаяся разве что некоторыми деталями. Разочарованный, но не отказавшийся от затеи Павел решил реализовать свой план самостоятельно.

* * *

Двадцать четвертого января 1801 года Павел велел атаману донских казаков выдвинуть крупные силы в пограничный город Оренбург для начала подготовки похода в Индию. Там собралось всего 22 000 человек, куда меньше первоначально одобренного советниками Павла количества войск, необходимого для такой операции. В сопровождении артиллерии они должны были проследовать через Хиву и Бухару в направлении Инда, на что, по расчетам Павла, требовалось три месяца. В Хиве им предстояло освободить русских пленников, которых держали там в рабстве, и то же самое проделать в Бухаре. Впрочем, главной задачей оставалось выдворение англичан из Индии и перевод страны и всей ее торговли под власть Санкт-Петербурга. «Англичане готовят нападение флотом и войском на меня и на союзников моих... нужно их самих атаковать, и там, где удар им может быть чувствительнее и где меньше ожидают. Заведении их в Индии самое лучшее для сего», – наказывал Павел атаману казаков. Закончил он свой рескрипт такими словами: «Все богатство Индии будет нам за сию экспедицию наградою... Таковое предприятие увенчает вас всех славою, заслужит по мере заслуги мое особое благоволение, приобретет богатство и торговлю и поразит неприятеля в его сердце»²⁶.

²⁴ В полном тексте проекта русско-французской экспедиции это замечание звучит так: «Когда союзная армия в полном составе соберется в Астрабаде, каким образом она проникнет в Индию, сквозь страны почти дикие, бесплодные, свершая поход в триста лье от Астрабада до пределов Индостана?» См.: Русская старина, 1873. Кн. 9. С. 401–409.

²⁵ Там же.

²⁶ Рескрипт императора Павла атаману В. П. Орлову // Высочайшие приказы государя императора Павла I. 1800–1801 годов. СПб., 1800–1801.

Совершенно очевидно, что Павел и его советники ничего не знали о дорогах в Индию, о самой стране и о диспозиции англичан. Павел откровенно признавался – по крайней мере, в письменных инструкциях – руководителю экспедиции: «Карты мои идут только до Хивы и до Амурдарьи реки, а дальше ваше уже дело достать сведения до заведений аглинских и до народов индейских, им подвластных»²⁷. Павел советовал атаману посылать «своих лазутчиков приготовить или осмотреть дороги», хотя непонятно, с чего он взял, что такие дороги в этом обширном, пустынном и по большей части необитаемом регионе вообще существуют. Наконец, в последнюю минуту он передал атаману казаков новую подробную карту Индии, которую смог раздобыть, и сопроводил подарок обещанием прислать подкрепление, как только в его распоряжении появятся нужные силы.

Из всего сказанного ясно, что ни о каком серьезном планировании или обдумывании этой безумной авантюры не было и речи. Столь же ясно – и об этом наверняка догадался Наполеон, – что Павел, всю жизнь страдавший маниакальным психозом, быстро терял рассудок. Но послушные долгу казаки, которые ранее шли на острие покорения русскими Сибири и которым вскоре предстояло сделать то же самое в Центральной Азии, не ставили под сомнение мудрость царя – или хотя бы его здравомыслие. Наскоро экипированные и плохо снабженные провиантом для такого важного предприятия в разгар зимы, они вышли из Оренбурга и отправились в далекую Хиву. Им предстояло пройти к югу почти 1000 миль. Переход стал тяжким испытанием даже для закаленных казаков. С немалым трудом они переправили артиллерию, 44 000 лошадей (у каждого по две – основная и запасная) и запас продовольствия на несколько недель через замерзшую Волгу²⁸ и вступили в заснеженную киргизскую степь. Об этом походе известно очень мало, сами англичане узнали о нем лишь много лет спустя; за месяц казаки прошли около 400 миль и достигли северного побережья Аральского моря.

Именно там как-то утром один из дозорных заметил вдали крохотную фигурку. Несколько минут спустя к казакам подскочил по снегу мчавшийся галопом всадник. Он скакал день и ночь, чтобы сообщить им свежие новости, и едва держался в седле от усталости. Переведя дух, он сообщил, что царь Павел мертв – убит. В полночь 23 марта группа гвардейских офицеров, напуганных усиливавшейся манией величия царя (незадолго до того он приказал арестовать царицу и своего сына и наследника Александра), ворвалась к нему в спальню, намереваясь принудить Павла подписать отречение. Павел выпрыгнул из постели и попытался бежать через камин, но был схвачен. Когда он отказался подписать отречение, его безжалостно задушили. На следующий день царем провозгласили Александра, причем многие подозревали, что наследник был осведомлен о заговоре. Не имея ни малейшего желания оказаться втянутым в ненужную войну с Великобританией из-за фантазий своего отца, новый царь приказал немедленно отозвать казаков.

Велев гонцу любой ценой остановить поход, Александр, несомненно, предотвратил чудовищную катастрофу: ведь 22 000 казаков двигались навстречу почти неминуемой гибели. Даже храбрым и дисциплинированным воинам вряд ли удалось бы одолеть и половину пути до Инда. Всего за месяц успели возникнуть трудности с прокормом людей и лошадей, а обморожения и болезни еще не начали собирать свою жатву. Тем же, кто справился бы с этими затруднениями, предстояло пройти сквозь ряды враждебных туркестанских кочевников, всегда готовых напасть на любого, кто вступал в их пределы, а также победить войска Хивы и Бухары. Если же каким-то чудом кому-нибудь удалось бы все-таки уцелеть и добраться до первых английских постов, ему пришлось бы столкнуться с самым крепким врагом – хорошо обученной и располагавшей артиллерией европейской армией Ост-Индской компании, подкрепленной тузем-

²⁷ Там же.

²⁸ Так у автора; вероятно, имеется в виду река Урал.

ными полками. Благодаря расторопности Александра казаки вернулись домой, чтобы принять участие в новых битвах за Россию.

* * *

Совершенно не подозревая ни о походе, ни о недружественных намерениях Санкт-Петербурга как таковых, англичане в Индии тем не менее постепенно осознавали свою уязвимость перед вторжением извне. Чем дальше расширялись границы их владений, тем труднее становилось эти границы охранять. Пусть текущая угроза со стороны Наполеона уменьшилась из-за провала в Египте, мало кто сомневался, что рано или поздно французский император вновь устремит взор на Восток. По слухам, его агенты уже довольно активно действовали в Персии. Если та подпадет под его влияние, возникнет куда более существенная угроза Индии, нежели недолгое пребывание императора в Египте. Другим потенциальным агрессором виделся соседний Афганистан – воинственная страна, не слишком хорошо известная в ту пору: в прошлом с ее территории случались опустошительные набеги на Индию. Уэлсли вознамерился одним ударом нейтрализовать обе эти угрозы.

Летом 1800 года к шахскому двору в Тегеране прибыла британская дипломатическая миссия, возглавляемая одним из самых способных молодых офицеров Уэлсли, капитаном Джоном Малкольмом. Начавший службу в 13 лет, тот бегло говорил на персидском и отменно держался в седле; в политический департамент компании его перевели после того, как он привлек благосклонное внимание самого генерал-губернатора. Начав путешествие от берегов Бенгальского залива, он прибыл в персидскую столицу с щедрыми дарами и в сопровождении многолюдной свиты – 500 человек, включая 100 индийских конников и пехотинцев и 300 слуг и помощников. Малькольму наказали любой ценой завоевать (если понадобится, то купить) дружбу шаха и подписать договор о совместной обороне. Этот договор преследовал двоякую цель: с одной стороны, в нем гарантировалось, что ни единому французу не будет позволено появиться в подвластных шаху краях; с другой стороны, предусматривалось, что шах обязуется начать войну против своего давнего противника – Афганистана, – если тот предпримет какие-либо враждебные шаги в отношении Индии. Англичане взамен, при нападении французов или афганцев на Персию, обещали снабдить шаха всем «военным снаряжением», необходимым для отражения атаки. Более того, в случае французского вторжения им полагалось направить на помощь шаху корабли и войска. Иными словами, для них открывалась возможность атаковать французские силы вторжения, решившие попасть в Индию через Персию, во владениях шаха на суше и на море.

Шах был восхищен убедительными речами Малкольма, в совершенстве овладевшего искусством восточной лести; еще сильнее его восхитили прекрасными дарами, каждый из которых тщательно выбирали для того, чтобы разжечь персидскую алчность. Среди них были богато украшенные ружья и пистолеты, усыпанные драгоценностями часы и другие механизмы, мощные телескопы и огромные позолоченные зеркала для шахского дворца. Чтобы облегчить подписание договора, щедрые дары предусмотрели и для главных приближенных шаха. Когда в январе 1801 года Малкольм, сопровождаемый заверениями в вечной дружбе, с небывалой помпой покинул Тегеран и отправился в обратный путь, он вез тексты всех соглашений, за которыми прибыл. Два соглашения, политическое и торговое, были подписаны Малкольмом и главным министром шаха от имени соответствующих правительств. Но, поскольку эти документы так и не были официально ратифицированы, у Лондона оставались определенные сомнения в обязательности выполнения их условий. Эта юридическая тонкость, незамеченная персами, вполне устраивала англичан. Шах, со своей стороны, вскоре обнаружил, что в обмен на торжественные обещания он получил очень мало или совсем ничего, за исключением щедрых подарков.

Вскоре после отбытия британской миссии из Персии на северной границе произошло событие, предоставившее шаху – как он искренне верил – веские основания вознести хвалу небесам, ниспославшим ему столь могущественного союзника и защитника. Опасность подступала не со стороны Наполеона или афганцев, а со стороны агрессивной России, неумолимо покорявшей Кавказ. В этом диком и гористом регионе сходились границы владений шаха и царской империи. В сентябре 1801 года царь Александр присоединил к империи древнее независимое царство Грузия, которое Персия привыкла считать собственной сферой влияния. В результате русские войска оказались слишком близко к Тегерану, для того чтобы шах чувствовал себя спокойно. При всей уязвленности персидских чувств реальная враждебность между двумя державами не проявлялась до июня 1804 года, когда русские продвинулись еще дальше на юг и осадили Эривань, столицу Армении, этого христианского владения шаха.

Немедленно шах обратился к англичанам, напомнив тем о подписанном недавно соглашении, в котором была обещана помощь в случае агрессии. Но ситуация успела перемениться, Россия и Великобритания стали союзниками в борьбе против нарастающей в Европе угрозы со стороны Наполеона. Разогнав в 1802 году состоявшую из пяти человек Директорию, которая правила Францией после революции, Наполеон назначил себя первым консулом, а два года спустя короновался как император. Сейчас он находился на вершине могущества, и было очевидно, что он не довольствуется малым, не угомонится, пока вся Европа не будет лежать у его ног. Поэтому англичане предпочли игнорировать призывы шаха о помощи против русских. Впрочем, формально они были совершенно правы, ведь в соглашениях Малкольма не было ни слова о России, там упоминались только Франция и Афганистан. Персы глубоко оскорбились, усмотрев в этом отказе предательство со стороны народа, который считался их союзником, да еще в тот час, когда они настоятельно нуждались в помощи. Формальности формальностями, но решение бросить шаха на произвол судьбы очень скоро дорого обошлось англичанам.

В начале 1804 года Наполеон, узнавший о произошедшем от своих агентов, предложил шаху прогнать русских обратно в обмен на разрешение использовать Персию как сухопутный плацдарм для вторжения французов в Индию. Шах мешкал с ответом, все еще надеясь на англичан, которые находились совсем близко, и рассчитывал, что те придут ему на помощь; поэтому в переговорах с посланцами Наполеона персы попросту тянули время. Но когда стало окончательно понятно, что ни из Калькутты, ни из Лондона никакой помощи не последует, шах 4 мая 1807 года подписал с Наполеоном договор, в котором соглашался разорвать все политические и торговые отношения с англичанами, объявить Великобритании войну и позволить французским войскам пройти в Индию. Одновременно он соглашался принять большую военную и дипломатическую миссию во главе с французским генералом, которая, помимо прочего, реорганизуеет и обучит его армию в соответствии с современными европейскими стандартами. Официально шах получал тем самым шанс попытаться вернуть территории, уступленные русским, но у тех, кто отвечал за оборону Индии, не возникало ни малейших сомнений: Наполеон в своих планах нашествия наверняка принимает в расчет реформированные персидские войска.

Это был блестящий ход со стороны Наполеона, но худшее ожидало впереди. Летом 1807 года, покорив Австрию и Пруссию, Наполеон разбил русских под Фридрихсгофом, заставил их просить мира и присоединиться к так называемой континентальной системе – блокаде, призванной поставить Великобританию на колени. Мирные переговоры проходили в обстановке величайшей секретности в Тильзите, на борту гигантского, украшенного флагами плота, стоявшего на якоре посреди реки Неман. Столь любопытное место встречи было выбрано для того, чтобы оградить переговоры двух императоров от подслушивания, особенно от английских ушей, ведь шпионы англичан кишели повсюду. Несмотря на эти предосторожности, британская секретная служба, годовой бюджет которой составлял 170 000 фунтов стерлингов (в основном деньги тратились на взятки), сумела внедрить на борт плота собственного агента –

предателя из числа русских аристократов: он спрятался под плавучим помостом (с ногами в воде) и слышал каждое слово.

Правда это или нет, но Лондон вскоре выяснил, что два императора, на скорую руку уладив разногласия, предполагают объединить силы и поделить между собой весь мир. Франция должна была получить Запад, а Россия – Восток, включая Индию. Впрочем, когда Александр потребовал себе Константинополь, точку соприкосновения Востока и Запада, Наполеон покачал головой. «Никогда! – сказал он. – Ведь Константинополь – это столица мироздания»²⁹. Затем в Лондон поступило донесение о том, что Наполеон, которому отец Александра в свое время представил план вторжения в Индию, теперь сам предложил своему новому русскому союзнику аналогичную, но значительно улучшенную схему. Первым шагом должен был стать захват Константинополя, который предлагалось разделить. Затем, пройдя маршем поверженную Турцию и дружественную Персию, русские и французы намеревались напасть на Индию.

Крайне обеспокоенные такими новостями и прибытием крупной французской миссии в Тегеран, англичане приступили к действиям – даже слишком быстро. Не проконсультировавшись друг с другом, Лондон и Калькутта направили в Персию специальных посланников, в задачу которых входило убедить шаха изгнать французов – «передовой отряд французской армии», как назвал их лорд Минто, сменивший Уэлсли на посту генерал-губернатора. Первым прибыл Джон Малкольм, спешно произведенный в бригадные генералы, чтобы придать посланнику больше веса на переговорах с шахом. В мае 1808 года, восемь лет спустя после своего предыдущего визита, Малкольм прибыл в Бушир на берегу Персидского залива. Там, вопреки яростным возражениям, он был задержан персами (по его убеждению, под давлением французов), и в разрешении следовать дальше ему отказали. Истинная причина задержки, впрочем, заключалась в том, что шах ознакомился с текстом тайного соглашения между Наполеоном и Александром и ему стало ясно, что французы, как прежде англичане, вовсе не собираются помогать ему против русских. Посланники же Наполеона понимали, что срок их пребывания в Тегеране исчисляется днями, и пытались убедить колеблющегося шаха, что раз они больше не воюют с русскими и даже стали их союзниками, то у них теперь больше возможностей сдерживать Александра.

Раздосадованный тем, что его продолжают томить на побережье, пока французские соперники в столице нашептывают шаху на ухо, Малкольм направил персидскому правителю резкое послание, предупреждая о возможных тяжких последствиях, если французская миссия не будет немедленно выдворена. В конце концов, разве в соглашении, о котором он сам вел с шахом переговоры, персы торжественно не поклялись не иметь никаких дел с французами? Шаха, который уже давно разорвал соглашение, подписанное с англичанами, изрядно разозлил высокомерный ультиматум Малкольма. Как следствие, тому так и не разрешили прибыть в столицу, чтобы лично изложить британские взгляды. Когда прозвучал окончательный отказ, Малкольм решил незамедлительно вернуться в Индию, представить генерал-губернатору исчерпывающий отчет о непримиримой позиции шаха и настоятельно рекомендовать применение силовых методов, чтобы шах одумался, а французов наконец-то вытурили.

Вскоре после его отъезда прибыл эмиссар из Лондона, сэр Харфорд Джонс³⁰. К его счастью, он прибыл как раз тогда, когда шах смирился с мыслью, что придется выдворить французов, чтобы заставить русских уйти с захваченных кавказских территорий. Персы проделали очередной разворот на 180 градусов. Французскому генералу и его присным вручили паспорта, а Джонс со свитой отпраздновали победу. Шах отчаянно искал друзей и был только рад забыть прошлое – особенно после того, как Джонс преподнес ему в качестве подарка от короля Георга

²⁹ «Constantinople, c'est l'empire du monde». Цит. по: *Меневаль К.-Ф.* Годы величия (Годы на службе Наполеону). М.: Захаров, 2002.

³⁰ Полностью: *сэр Харфорд Джонс-Бриджес* – консул Ост-Индской компании в Багдаде и Басре, автор ряда описаний Персии и Индии.

III один из самых крупных алмазов, который когда-либо приходилось видеть. Если шах и удивился прибытию друг за другом сразу двух британских посланников, один из которых буквально метал громы и молнии, а другой сыпал подарками, он оказался достаточно тактичен, чтобы ничего об этом не сказать.

Отношения между Великобританией и Персией вновь стали сердечными, но того же самого никак нельзя было сказать об отношениях между Лондоном и Калькуттой. Остро завидуя успеху лондонского эmissара после того, как его собственный посланник потерпел неудачу, лорд Минто был решительно настроен вновь подтвердить собственную ответственность за поддержание контактов с Персией. Последовавшая за этим недостойная ссора ознаменовала начало соперничества, испортившего отношения между Британской Индией и правительством метрополии почти на полтора столетия. Дабы выпятить индийские интересы, генерал-губернатор настаивал на том, чтобы переговоры относительно нового соглашения с шахом вел его собственный человек, Малкольм, тогда как Лондон против этого возражал. В итоге был достигнут компромисс, позволивший обеим сторонам сохранить лицо: решили, что опытный дипломат сэр Харфорд Джонс останется в столице и закончит переговоры, тогда как произведенный по такому случаю в генерал-майоры Малкольм будет направлен в Тегеран, где проследит, чтобы на сей раз условия соглашения неукоснительно соблюдались.

В соответствии с новым соглашением шах обязывался не допускать вооруженные силы какой-либо другой страны на свою территорию с целью нападения на Индию, а также не участвовать в каких-либо предприятиях, враждебных британским интересам или интересам Индии. Взамен, если сама Персия подвергнется угрозе нападения со стороны агрессора, Великобритания направит войска на поддержку. Если это окажется невозможным, она предоставит вместо этого достаточное количество вооружения и советников, чтобы выдворить агрессора, даже если будет находиться в мирных отношениях с последним. Все понимали, что имеется в виду Россия. Шах не собирался повторять прежнюю ошибку. Дополнительно он получал ежегодную помощь в размере 120 000 фунтов стерлингов и содействие британских офицеров – вместо французов – в обучении и модернизации армии. Надзор за этой деятельностью возложили на Малкольма. Правда, существовала и дополнительная причина, по которой лорд Минто так старался вернуть Малкольма в Тегеран.

Страхи перед франко-русским нападением на Индию показали тем, кто отвечал за оборону страны, сколь мало они знают о территориях, через которые предстояло пройти армиям вторжения. Следовало немедленно что-то предпринять, чтобы исправить положение: ведь никакие соглашения не остановят столь решительного агрессора, как Наполеон. С точки зрения Минто, никто не справился бы с этой миссией лучше Малкольма, успевшего узнать о Персии больше любого другого англичанина. В феврале 1810 года Малкольм снова очутился в Бушире и на сей раз благополучно добрался до персидской столицы. Его сопровождала небольшая группа тщательно отобранных офицеров, которым официально предстояло обучать шахскую армию европейской тактике войн, но которым вменили в первоочередную обязанность выяснить все, что удастся, относительно военной географии Персии – точно так же как раньше это делали люди Наполеона.

Этой группой дело не ограничивалось. Дальше на восток, в диких землях Белуджистана и Афганистана, через которые захватчикам предстояло пройти после Персии, на Малкольма работали другие британские офицеры, тайно изучавшие местность. Это была рискованная игра, требовавшая крепких нервов и истинной любви к приключениям и авантюрам.

Глава 3. Репетиция Большой игры

Доведись кому-либо очутиться в северном Белуджистане весной 1810 года, этот кто-то мог бы заметить небольшой вооруженный отряд верхом на верблюдах, покинувший отдаленный оазис Нушки и выдвинувшийся в сторону афганской границы. Яркие зарницы молний освещали темное небо впереди, в окружающих горах то и дело раскатисто грохотал гром. Казалось, надвигается сильная буря, и по мере углубления в пустыню всадники, словно по наитию, все плотнее кутались в свои одежды.

Один конный вырвался чуть вперед, его кожа была заметно светлее, чем у спутников. Те считали его татаринном и торговцем лошадьми; так сказал он сам, и они, прежде не сталкивавшиеся с такими людьми, не видели оснований сомневаться в его словах. Их наняли сопроводить его в поездке через опасную, кишевшую разбойниками местность между оазисом Нушки и расположенным в 400 милях к северо-западу на персидско-афганской границе древним укрепленным городом Герат. Там, по словам светлокожего торговца, он надеялся закупить лошадей для своего богатого хозяина-индуса, живущего где-то в далекой Индии. Дело в том, что Герат – крупный город на караванных путях Центральной Азии – широко славился своими лошадьми. В силу своего положения он представлял немалый интерес для тех, кто отвечал за оборону Индии.

Путник прибыл в Нушки несколькими днями ранее, и с ним был спутник того же облика, которого он называл своим младшим братом, работающим на того же индийского купца. В Нушки они прибыли из Келата – скопища глинобитных построек, именовавшегося столицей Белуджистана, где сошли на берег с малого местного судна, доставившего их из Бомбея. Дорога от побережья заняла почти два месяца, ведь они не торопились, задавали по пути множество вопросов, стараясь, впрочем, не проявлять чрезмерного любопытства. В Нушки путники разделились: старший «брат» со своими сопровождающими отправился в Герат, а младший двинулся на запад, в сторону Кермана в южной Персии. Там, по его словам, он тоже надеялся купить лошадей для хозяина.

Перед тем как отправиться в разные стороны, мужчины распрощались друг с другом в уединенном местном доме, снятом на время недолгого пребывания в Нушки. Они были очень осторожны и тщательно убедились, что их не подслушивают. Действительно, сумей какой-то проныра подсмотреть за ними через щелку, он немало изумился бы тому, что увидел бы и услышал. В доме происходило нечто, мало напоминавшее обычное прощание двух братьев. Понизив голоса и не спуская внимательных взглядов с двери, мужчины – с несвойственной для жителей Азии скрупулезностью – обсуждали подробности предстоящих путешествий и улавливались о том, как себя вести, если что-то пойдет не так. Еще обсуждались другие вопросы, суть которых местный проныра вряд ли бы понял. Случись правде выйти наружу, это означало бы немедленную смерть для обоих: ни один из этих мужчин не был ни торговцем лошадьми, ни татаринном – да и в родстве между собой они вовсе не состояли. Эти двое были молодыми английскими офицерами; им поручили выполнить для генерала Малкольма секретную разведывательную операцию в не ведавших закона краях, куда никогда ранее не ступала нога исследователя.

Капитан Чарльз Кристи и лейтенант Генри Поттинджер из 5-го Бомбейского пехотного полка собирались приступить к самой опасной – и самой ценной для их руководства – части своей миссии. По ходу неспешного путешествия от побережья они успели собрать немало сведений о местных племенах, их вождях и численности воинов. Они тщательно фиксировали все оборонительные возможности территорий, по которым пролегал их путь. Будучи чужестранцами, пусть даже татарами-мусульманами, они явно вызвали подозрение. Не раз им приходилось выпутываться из неприятностей, приукрашивая и улучшая свои легенды прикрытия с

учетом текущих обстоятельств. Догадайся белуджи, яростно оберегавшие свою независимость, кто эти двое на самом деле, немедленно последовал бы вывод, что англичане исследуют эти земли с намерением их захватить. К счастью для Кристи и Поттинджера, ни один обитатель тех отдаленных краев никогда в глаза не видел европейца. Поэтому обман пока оставался нераскрытым – по крайней мере, такое впечатление складывалось.

Тем не менее, пожелав на прощание удачи друг другу, они ясно понимали, что это могла быть их последняя встреча. Впрочем, если предположить, что все пройдет хорошо, после завершения миссии они собирались встретиться вновь – на условленном месте в относительно безопасных владениях персидского шаха. Если к оговоренной заранее дате один из них не придет туда, другой должен был заключить, что его товарищ либо оказался вынужден прервать путешествие, либо погиб. В таком случае прибывший на встречу должен был один отправиться в Тегеран и доложить обо всем генералу Малкольму. Если же кто-то из них угодит в неприятности, он непременно должен попытаться оповестить товарища или британскую миссию в Тегеране, чтобы можно было организовать какую-то помощь.

После отъезда 22 марта Кристи и его людей Поттинджер остался в Нушки, готовя собственный маленький караван. Малкольм поручил ему изучить обширные пустыни, которые, как предполагалось, лежат на западе и могут послужить серьезным препятствием для наступающей армии. Но 23 марта поступили тревожные вести: друзья, которыми они с Кристи обзавелись в столице Белуджистана Келате, предупреждали Поттинджера, что в Келат прибыли люди из расположенного неподалеку Синда с приказом арестовать обоих англичан. Посланцы сообщили келатскому хану, что Кристи и Поттинджер – вовсе не торговцы лошадьми, а их маскировка придумана для того, чтобы изучить страну в военных целях, в ущерб обоим ханствам.

Англичан следовало схватить и доставить в столицу Синда Хайдарабад, где их ждало жестокое наказание. Сообщение предупреждало, что воины Синда двинулись за европейцами в Нушки, лежавшем в пятидесяти милях в глубь пустыни. Друзья советовали Поттинджеру поспешить, пока еще есть время, ибо синдцы открыто говорили, что пойманных лазутчиков забьют палками до смерти. Понимая, что это будет, пожалуй, меньшее из того, что может его ожидать в Хайдарабате, Поттинджер решил немедленно тронуться в путь. На следующее утро в сопровождении вооруженной охраны из пяти белуджей он спешно выехал на запад, преисполненный благодарности к друзьям из Келата, которые рисковали собственными жизнями, чтобы спасти его и Кристи.

* * *

Кристи, ничего о том не ведавший, между тем приближался к афганской границе – и столкнулся с иной опасностью. Незадолго до отъезда из Нушки знакомый пастух предупредил его, что три десятка вооруженных афганцев намерены ограбить «торговца» и уже залегли в засаде в овраге на пути. В довершение к прочим неприятностям гроза, которая только собиралась, когда Кристи выехал из Нушки, теперь наконец разразилась; все вымокли до нитки, имущество тоже пострадало, поскольку в этой голой местности не было ни малейшего укрытия. Едва ли такой поворот можно было расценить как обнадеживающее начало невообразимо трудного предприятия для одиночки. Правда, на следующее утро гроза утихла, а с непогодой рассеялись и враги. Тем не менее опасность нападения разбойников в стране, где законов попросту не существовало, была постоянной угрозой для Кристи с Поттинджером – и для всех последующих участников Большой игры.

Надеясь заручиться хоть какой-то защитой от бандитов, Кристи решил отказаться от легенды о торговце лошадьми и принять личину набожного хаджи – мусульманского паломника, который возвращается из Мекки. В своем отчете он не вдается в подробности, однако можно догадаться, что в этом превращении он рассчитывал на помощь индийского купца, кото-

рому вез секретное послание; к тому же следовало избавиться от одной охраны и нанять другую. Надо признать, что новая легенда создавала собственные проблемы и опасности, и вскоре Кристи пришлось изрядно попотеть, когда один местный мулла затеял с ним теологический спор. Разоблачения удалось избежать, объяснив, что он – суннит, а не шиит, как настойчивый собеседник. Судя по всему, Кристи был исключительно находчивым человеком: ему даже посчастливилось раздобыть фальшивый *laissez-passer*³¹ от местного хана, слывшего жестоким тираном, причем на пропуске стояла настоящая печать. Этот пропуск обеспечил ему теплый прием у соседнего хана, который даже пригласил «паломника» к себе во дворец.

Теперь Кристи оставалось всего четыре дня пути до цели путешествия – таинственного города Герат, который прежде осмелился посетить всего один европеец. Город лежал на границе Афганистана с восточной Персией, по обе стороны широкого трансзиатского караванного пути. Его базары были широко известны на просторе от Коканда до Кашгара, Бухары и Самарканда, Хивы и Мерва, тогда как другие дороги вели от него на запад к старинным караванным городам Персии – Мешхеду, Тегерану, Керману и Исфахану. Но для англичан в Индии, опасавшихся вторжения с запада, Герат обладал более зловещей ценностью. Город находился на одном из традиционных путей завоевателей Индии: этим путем вражеские войска могли достичь любого из двух главных перевалов – Хайберского или Боланского. Хуже того, в регионе обширных пустынь и непроходимых горных массивов Герат занимал богатую и плодородную долину, которая, как полагали в Индии, была способна накормить и напоить целую армию. Задача Кристи заключалась в том, чтобы выяснить, так ли это на самом деле.

18 апреля – через четыре месяца после того, как они с Поттинджером отплыли из Бомбея, – Кристи миновал главные ворота обнесенного стеной Герата. Он отказался от легенды о паломнике и снова превратился в торговца лошадьми, поскольку вез с собой рекомендательные письма для жившего в городе индийского купца. В городе Кристи провел в итоге около месяца, старательно записывая все, что подмечал наметанный глаз или ловил слух военного. «Город Герат, – занес он в дневник, – расположен в долине, окруженной высокими горами». Долина, тянувшаяся с востока на запад, имела тридцать миль в длину и пятнадцать в ширину. Ее орошала река, сбегавшая с гор; земля упорно обрабатывалась – всюду, куда ни посмотри, виднелись кишлаки и сады. Сам город, занимавший около четырех квадратных миль, был окружен массивной стеной и рвом. На северном холме высилась крепость из обожженного кирпича, с дозорными башнями на каждом углу. Ее окружал второй ров, через который был перекинут подъемный мост, а за ним располагались еще одна высокая стена и третий ров (уже сухой). Все выглядело очень внушительно для любого чужака, но Кристи не разделял общих восторгов: «В целом, – записал он, – как оборонительное сооружение крепость предстает поистине жалкой».

При том что его нисколько не восхитила способность Герата противостоять армии, вооруженной современной артиллерией, вроде той, какая была у Наполеона или царя Александра, Кристи отдавал должное очевидному процветанию и изобилию города, явно способного поддерживать и снабжать любую армию вторжения, в руки которой он может попасть. Вокруг раскинулись великолепные пастбища с обильным кормом для лошадей и верблюдов, обильно росли пшеница, ячмень и фрукты всех сортов. Население Герата и пригородов Кристи оценил приблизительно в 100 000 человек, включая 600 индусов, преимущественно зажиточных купцов.

18 мая, сочтя, что выяснил все сколько-нибудь важное, Кристи объявил о возвращении домой. Прежде чем вернуться в Индию с лошадьми для своего хозяина, он намеревался совершить недолгое паломничество в священный город Мешхед в Персии, в 200 милях к северо-западу от Герата. Это заявление, сделанное публично, позволило ему покинуть Герат без покупки лошадей, необходимых по прикритию. Уже на следующий день он с явным облег-

³¹ Пропуск (*фр.*).

чением двигался по восточной Персии. После долгих месяцев лжи и уверток Кристи наконец-то чувствовал себя в безопасности. Даже если теперь станет известно, что он – переодетый офицер Ост-Индской компании, то установившиеся хорошие отношения Англии с Персией были залогом того, что серьезной опасности ему не угрожало. Девять дней спустя он свернул со старой дороги паломников на Мешхед, направляясь на юго-запад, в сторону Исфахана, куда, по его расчетам, уже должен был прибыть лейтенант Поттинджер.

* * *

За два месяца, прошедших с расставания в Нушки, с собратом-офицером Кристи случилось немало событий. Без помощи карты (карт тех мест не существовало) 20-летнему младшему офицеру предстояло совершить путешествие протяженностью в 900 миль через Белуджистан и Персию. Он выбрал дорогу, которой за следующие сто лет не рискнул воспользоваться ни один европеец, хотя ранние завоеватели пользовались именно этим путем. Путешествие должно было продлиться три месяца; маршрут пролегал через две опасные пустыни, где только местные проводники вели от родника к роднику и помогали избежать столкновений с бандами кровожадных разбойников.

Несмотря на болезнь и другие невзгоды, Поттинджер стойко вел тайные и подробные ежедневные записи всего, что видел и слышал и что могло иметь ценность для армии вторжения. Он отмечал родники и реки, засеянные поля и прочую растительность, количество осадков и характер климата. Намечал лучшие места для обороны, описывал укрепления попадавшихся по пути кишлаков и детально перечислял индивидуальные черты местных ханов и их союзников. Он даже описывал развалины и памятники, мимо которых проезжал, хотя, не будучи археологом, вынужден был полагаться на сомнительные рассказы местных жителей относительно их возраста и истории. Кроме того, он тайно составлял кроки своего маршрута, которые позднее превратились в первую военную карту западных подступов к Индии. Правда, как он умудрялся это делать и оставаться неразоблаченным, Поттинджер в своем подробном отчете умалчивает – по всей видимости, приберегая секрет на будущее.

31 марта, обойдя по юго-восточному краю огромную пустыню Гельмунд и тем самым подтвердив слухи о ее существовании и приблизительном расположении, Поттинджер с небольшим отрядом из пяти человек вступил в первую из двух пустынь, которые им предстояло пересечь. Он понимал, что наличие на пути захватчика таких обширных естественных препятствий должно было стать чрезвычайно приятной новостью для тех, кто отвечал за оборону Индии. Вскоре ему предстояло узнать, почему эти пустыни пользуются у белуджей столь дурной славой: на протяжении нескольких миль отряд ехал среди гряд почти вертикальных дюн из мелкого красного песка, причем некоторые достигали высоты в двадцать футов. «Большая их часть, – записывал Поттинджер, – с подветренной стороны поднимается перпендикулярно земле... Издалека их легко принять за свежесложенную кирпичную стену». А вот наветренная сторона плавно спускалась к основанию следующей дюны, оставляя проход между ними. «Я старался держаться этих проходов до тех пор, пока позволяло направление моего движения, – добавляет он, – но заставлять верблюдов идти по этим волнам песка было очень утомительно, особенно когда приходилось карабкаться на подветренные склоны, и в этих бесплодных попытках мы теряли много времени». На следующий день условия ухудшились. Непрерывное сражение с песчаными дюнами оказалось, по словам Поттинджера, «пустынями по сравнению с неудобствами, которые испытывали от летящих частичек песка не только я и мои люди, но и верблюды». Дело в том, что над пустыней висел слой абразивной красной пыли, попадавшей в глаза, ноздри и рот. Это причиняло жуткие страдания, не говоря уже о жажде, которая усиливалась палящим солнцем.

Вскоре они достигли ложа пересохшей реки шириной около 500 метров. Кишлак на берегу недавно был покинут обитателями из-за засухи. Там они остановились и после длительных раскопок сумели добыть два бурдюка воды. Характер пустыни изменился, и теперь вместо песка под ногами захрустел черный гравий. Быстро установилась духота, вокруг закружились небольшие смерчи, а потом разразилась страшная гроза. «Дождь падал такими крупными каплями, каких мне до сих пор не доводилось видеть, – отмечал Поттинджер. – Стало так темно, что я ничего не мог различить даже в пяти ярдах от себя». Но проводник сказал, что эта гроза – слабая по сравнению с теми, которые обрушиваются на пустыню в разгар лета, когда она становится непроходимой для путников. Горячий, как из печки, ветер, сопровождающий эти грозы, известен среди белуджей как «огонь» или «чума». В своей ярости он не только убивал верблюдов, но и сдирал живьем кожу с незащищенного человека. По словам спутников Поттинджера, которые уверяли, что сами были тому свидетелями, «мышцы несчастного страдальца каменели, кожа ссыхалась, по всему телу распространялось ужасное ощущение, будто плоть горит...». Кожа жертвы, говорили местные, покрывается «глубокими кровотокающими порезами, каковые стремительно убивают», хотя порой агония страдальца может растянуться на несколько часов, если не дней. (Сегодня очевидно, что это чрезвычайно сильное преувеличение, но во времена Поттинджера крайне мало знали насчет путешествий через пустыни, и в подобных неизученных регионах должно было казаться возможным все что угодно.)

Поскольку в пустыне не было никаких наземных ориентиров, проводник прокладывал путь, ориентируясь по отдаленной гряде гор. Но когда однажды Поттинджер решил выступить в полночь, чтобы избежать палящего дневного зноя, отряд быстро заблудился и утратил всякое чувство направления. У Поттинджера был при себе компас, спрятанный на теле. Тайком от спутников он вытащил прибор, поднял крышку, нащупал пальцем стрелку и так определил направление, в котором следовало идти. Когда на рассвете выяснилось, что они движутся в правильную сторону, потрясенные спутники принялись восхвалять «удивительное доказательство мудрости» Поттинджера; так продолжалось несколько дней. Обычно Поттинджер тайком пользовался компасом лишь для составления кроков, но пару раз он выдал себя, и пришлось объяснить, что это кибла-ноома, или указатель на Мекку, который держит направление на киблу, могилу пророка Мухаммада³², чтобы за молитвой простираться на земле в нужную сторону.

В тот день они не покидали седел на протяжении девятнадцати часов, преодолев сорок восемь миль по пустыне и доведя до изнеможения людей и верблюдов. Запасы еды и воды опасно сократились, и Поттинджер хотел продолжать путь до гор, где наверняка найдется хотя бы вода. Однако его люди валились с ног, так что пришлось заночевать в пустыне, поделив остатки воды (есть было нечего). На следующий день в полдень приблизились к кишлаку Кул-луган в славившейся своим беззаконием местности под названием Макран. Проводник Поттинджера, который, как оказалось, был женат на дочери сардара, или старосты деревни, настаивал, что должен пойти в деревню первым – мол, таков в этом опасном районе обычай для чужеземцев. Вскоре он вернулся и сообщил, что Поттинджера будут рады видеть, но сардар приказал ему ради своей собственной безопасности принять облик хаджи, иначе случиться может что угодно, даже в доме старосты.

«Вы больше не во владениях хана Келата!» – объясняли Поттинджеру. Впредь не стоит рассчитывать на столь же любезный прием и безопасность. «Мы теперь в Макране, где каждый – от рождения грабитель и где не замедлят обернуть собственных братьев и соседей». Под личиной торговца лошадьми, работающего на богатого купца из Индии, Поттинджер был особенно уязвим, ибо предполагалось, что у него при себе должны быть деньги, пусть даже чужие.

³² Так у автора; на самом деле кибла в основном значении слова – направление в сторону Каабы в Мекке, особенно важно соблюдать это направление при молитве-намазе.

О дурной репутации Макрана Поттинджера предупреждал и сардар Нушки, так что англичанин немедленно переоделся, «придав лицу соответствующее религиозное выражение».

Въехав в кишлак, он остановился и сошел с верблюда у мечети, где был официально принят сардаром и старейшинами. Позже его проводили в жилище, жалкую лачугу из двух комнат, где была приготовлена еда для него и его людей. Ничего не евшие в течение последних тридцати часов, все набросились на снедь и уплели в два счета. Однако запастись продуктами для дальнейшего путешествия оказалось гораздо труднее. Как объяснили местные, из-за засухи продовольствия очень мало, и в результате цены на него поднялись до астрономических высот. Так что удалось взять лишь несколько фиников и немного ячменной муки из личных запасов сардара.

Поттинджера предупредили, что следующий кишлак на его 700-мильном пути до Кермана находится в состоянии войны с Куллуганом, а тамошние жители три недели назад напали на Куллуган и ограбили. Пытаться проникнуть туда будет самоубийством; да и в целом не следует двигаться дальше на запад без дополнительного сопровождения. Проводник прямо заявил, что не тронется с места без охраны, и вместо этого предложил отвести англичанина обратно в Нушки. Поттинджер неохотно согласился нанять для следующего перехода еще шестерых мужчин, вооруженных ружьями с фитильными замками, и составил новый маршрут, позволявший обойти опасного соседа Куллугана.

В тот вечер старейшины кишлака, включая самого сардара, пришли в жилище Поттинджера, чтобы обсудить с ним различные вопросы, включая, к его немалому беспокойству, религиозные. Поскольку он выдавал себя за человека веры, его взгляды сильно интересовали местных и к его мнению почтительно прислушивались. Несмотря на свое почти полное невежество в мусульманском богословии, он удачно блефовал и не вызвал никаких подозрений. Он не только сумел избежать элементарных ошибок, но даже разрешил некоторые споры, в том числе о природе солнца и луны. Один из жителей деревни утверждал, что эти светила – одно и то же. Если так, возражал ему другой, то почему мы иногда видим их одновременно? А просто, отвечал первый, второе отражает первое. В итоге они обратились за советом к Поттинджеру. Того уже начали раздражать незваные гости, а вдобавок он хотел спать и потому высказался в поддержку второй точки зрения, тем самым решительно прекратив дебаты, которые, как он опасался, могли бы продолжаться ночь напролет – ведь местным жителям практически нечем было заняться.

На следующий день сардар предложил, чтобы Поттинджер перед отбытием помолился в мечети. Это, как писал позднее Поттинджер, «был акт двуличия, которого до сих пор мне удавалось избегать». Но выбора не оставалось, ибо сардар лично пришел за ним. «Я понял, что улизнуть не удастся, – отмечал Поттинджер, – поэтому просто простерся ниц, не сводя взгляда с сардара и бормоча что-то про себя». К удивлению, никто ни в чем его как будто не заподозрил. Дружелюбно настроенный сардар, предложивший новую легенду для прикрытия, прекрасно знал, что его гость вовсе не святой человек, но считал его правоверным мусульманином; он и не догадывался, что перед ним христианин и британский офицер. Не в последний раз необходимость выдавать себя за исламского праведника вызвала у Поттинджера немалое беспокойство. Проведя в седлах всю ночь, они добрались до деревни Гулл, где Поттинджера тепло встретил мулла, пригласивший его к завтраку. «Я увидел четверых или пятерых хорошо одетых почтенных мужчин, восседавших на ковре под тенистым деревом; в деревянных тарелках перед ними были хлеб и молочная пахта», – читаем у Поттинджера. Они поднялись приветствовать гостя, которого затем усадили справа от муллы. Когда все поели, один из мужчин предложил Поттинджеру произнести благодарственную молитву. «Это, – вспоминал Поттинджер, – было крайне неожиданно и неприятно, а потому на мгновение я изрядно смутился». К счастью, перед отъездом из Бомбея он не поленился выучить у своего слуги пару главных мусульманских молитв; при этом ему даже в голову не приходило, что когда-нибудь это зна-

ние сможет его спасти и избавить от печальной участи. Они с Кристи намеревались выполнить свою миссию, выдавая себя за торговцев лошадьми, а не за паломников, иначе Поттинджер не поленился бы затвердить молитвы более тщательно. Отчаянно пытаясь вспомнить хотя бы одну из них, Поттинджер поднялся и поежился под устремленными на него взглядами. «Я напустил на себя суровый вид, – рассказывал он, – со всей воображимой важностью огладил бороду и пробормотал несколько фраз». При этом он внимательно следил за собой, произнося «достаточно отчетливо» такие слова, как «Аллах», «Расул» (Пророк) и «шукр» (благодарю). Чутье подсказывало, что в молитве такого рода эти слова непременно должны быть. Столь рискованная уловка сработала вновь, а ничего не заподозривший мулла и его односельчане благожелательно улыбались своему набожному гостю.

На следующий день в другой деревне Поттинджер вновь оказался на волосок от гибели. Он покупал на рынке пару обуви (один из его башмаков ночью утащил шакал), когда старик в толпе, собравшейся вокруг, указал на его ноги и заявил, что Поттинджер явно не из тех, кто привык жить тяжким трудом и кто знаком с нищетой. «Я немедленно надел башмаки, – вспоминал Поттинджер, – ведь, настойчиво выставляя ноги на солнце, я так и не смог придать им тот загорелый вид, который имели мое лицо и руки». Желая избежать дальнейших вопросов, он вернулся к своему верблюду (зоркий старик все не отставал) и поспешно покинул деревню.

Два дня спустя Поттинджер со своим отрядом прибыл в небольшой глинобитный кишлак Мугси, где собирался заночевать. Но от этой мысли отказался, узнав о происходящем. Как рассказали местные, всего за несколько дней до прибытия отряда шайка вооруженных разбойников убила сардара и его семью и захватила кишлак. Одному из сыновей старосты удалось бежать, а бандиты осадили дом, в котором юноша укрылся и который незамедлительно показали Поттинджеру и его людям. Несчастному юноше, чей отец отказался пускать разбойников на возделанные поля возле кишлака, заявили, что либо он выйдет из дома на расправу, либо его уморят голодом. Никто из жителей кишлака не попытался его защитить, а небольшому отряду Поттинджера не имело смысла вмешиваться. Не оставалось другого выхода, кроме как продолжить путь и бросить несчастного юношу на произвол судьбы.

Три дня спустя Поттинджер поймал себя на мысли, не близок ли его собственный последний час. В селение Пухра он прибыл с рекомендательным письмом от сардара предыдущего кишлака. Письмо это он представил хану Пухры, который велел своему чиновнику-мирзе прочитать послание вслух. К величайшему смущению Поттинджера, в письме высказывалось подозрение, что паломник, прошедший через их кишлак, на самом деле человек высокого происхождения, возможно, даже хан, который отрекся от привилегированной жизни ради скромного существования праведника. Поттинджер не сомневался, что все это писалось с наилучшими намерениями, дабы обеспечить ему доброжелательный прием. Но одновременно сказанное грозило разоблачением – за личиной фальшивого паломника вполне могли опознать неверного-христианина и вдобавок англичанина. Разоблачение и вправду состоялось, причем с самой неожиданной стороны.

Когда было прочитано письмо сардара, окружившая Поттинджера толпа жителей кишлака принялась с новым интересом его разглядывать. И тут внезапно подал голос мальчуган лет десяти-двенадцати: «Если бы он не сказал, что святой человек, я бы поклялся, что он приходится братом тому европейцу Гранту, который приезжал в прошлом году в Бампур...» Наблюдательный мальчик был недалек от правды. Годом раньше капитан У. П. Грант из Бенгальской туземной пехоты был направлен для обследования побережья Макрана, с тем чтобы выяснить, сможет ли вражеская армия пройти в Индию этим путем (он доложил, что это возможно). В ходе своей разведывательной миссии он на несколько дней проник в глубь страны, в окрестности Бампур в восточной Персии, к которому Поттинджер как раз приближался. По удивительно несчастливому стечению обстоятельств этот мальчик – едва ли не единственный

из присутствующих, видевший живого европейца, – умудрился того встретить и подметить известное сходство.

Потрясенный Поттинджер постарался скрыть свое беспокойство. «Я попытался сделать вид, что ничего не слышал, – записал он, – но мой смущенный вид меня выдал». Заметив это, хан спросил, правда ли он на самом деле европеец. К облегчению Поттинджера, было добавлено, что, если это и так, бояться нечего, никакого вреда ему не причинят. Поняв, что продолжать заперяться бессмысленно, Поттинджер признался, что он действительно европеец, состоит на службе у богатого индийского купца. В начале путешествия подобное признание вполне могло стоить ему жизни, так как в нем сразу заподозрили бы английского лазутчика. Теперь же он находился совсем рядом с персидской границей и, следовательно, чувствовал себя в большей безопасности, хотя о полном спокойствии речи не было. Более того, его легенду раскрыли лишь частично: его истинный род деятельности и подлинная цель присутствия в этих краях оставались тайной.

К счастью, хана позабавила эта уловка, и он не нашел ничего предосудительного в том, что неверный выдает себя за мусульманского праведника. Зато одураченный проводник Поттинджера не скрывал своих чувств. Поначалу он отказался поверить в признание Поттинджера и поведал хану и собравшейся толпе, как святой человек уверенно вел богословские дискуссии. Хан смеялся от всего сердца, когда проводник описывал, как Поттинджер брал над ним верх в вопросах религии, которой, как теперь выяснилось, ничуть не придерживался. Досаду и замешательство проводника усугубил один из спутников Поттинджера, заявивший, что он, дескать, с первого дня знал, что тот не паломник (впрочем, европейца в нем все равно не угадал).

Разразился яростный спор, проводник обвинил этого человека в том, что он потворствует Поттинджеру в тщательно спланированном обмане и вообще его сообщник. В конце концов положение спасло хорошее настроение хана, который не преминул указать, что обманулись все, включая его самого. К моменту же отбытия из кишлака через сорок восемь часов Поттинджер выяснил, что и проводник его простил. В промежутке между этими событиями Поттинджер превратился в знаменитость, и его жилище осаждали те, кого он описывал как «сборище ленивых и шумных белуджей, пристававших ко мне с бестолковыми вопросами и замечаниями». Однако в полдень в кишлак прибыл настоящий праведник, индусский факир³³, избавив Поттинджера от «задачи развлекать все селение».

Пять дней спустя Поттинджер въехал в неприметный кишлак Басман, последнее обитаемое место в Белуджистане, к востоку от огромной пустыни, которую лейтенант намеревался пересечь, прежде чем достичь безопасной территории шаха. 21 апреля, отдохнув до вечера в кишлаке, Поттинджер со спутниками отправился к пустыне, до которой добрались ранним утром. Здесь не было ни воды, ни какой-либо растительности, тогда как жара, по словам Поттинджера, «была сильнее и подавляла тверже по сравнению с любой, какую приходилось испытывать после отправления из Индии». Постоянно путников дразнили миражи – как их называли белуджи, сухраб, или «воды пустыни».

В дневниковых записях Поттинджер, как полагалось в те дни, неизменно преуменьшал опасности и неудобства своего путешествия, но при описании перехода через пустыню он впервые позволил читателю разделить с ним мучительные страдания от жажды. «Человек с терпением и надеждой может выдержать, – писал он, – усталость и голод, жару или холод, даже длительное полное отсутствие естественного отдыха. Но чувствовать, что в горле все пересохло так, что вы с трудом можете вздохнуть, опасаться пошевелить языком во рту, боясь при этом задохнуться, и не иметь возможности избавиться от этого ужасного ощущения, – это... самое страшное испытание, каковое только выпадает путешественнику».

³³ В индуизме – бродячий аскет.

Через два дня тяжелой езды, в основном по ночам, чтобы избежать изнуряющей жары, путники достигли небольшого кишлака Реган на границе с Персией, у дальнего рубежа пустыни. Кишлак окружала пребывавшая в отменном состоянии высокая стена, длина которой по каждой стороне достигала 250 ярдов, а толщина у основания – 5 или 6 футов. Как потом узнал Поттинджер, жители кишлака постоянно опасались нападения белуджей, которые, как он рассказывал, «редко упускали возможность совершить один-два раза в год кровавый набег сюда или в какую-либо другую местность на персидской территории». Помимо охраны у единственных ворот вдоль стены через определенные интервалы располагались часовые, вооруженные фитильными ружьями: они несли дозор всю ночь, «часто аукаясь и перекликаясь, чтобы подбодрить друг друга и показать затаившемуся врагу, что они начеку».

Неожиданное прибытие из пустыни отряда Поттинджера вызвало немалый переполох. «Дело в том, что никто не мог понять, – писал он, – как мы могли незамеченными пересечь всю страну». Хан, который тепло принял гостя, выразил удивление по поводу того, что белуджи позволили ему пройти через их владения и не донимали нападками. Впрочем, ночь все равно пришлось провести вне крепости, так как существовало непреложное правило, по которому ни одному чужестранцу не позволялось спать за стенами кишлака.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.